

Константин Харский

16+

ВОЛЕНС НЕВОЛЕНС

Константин Харский

Воленс-неволенс

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Харский К. В.

Воленс-неволенс / К. В. Харский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Остросюжетный триллер. История мести за убийство, которого не было. Герой идёт к цели, не считаясь с жертвами. Методы вовлечения других людей в исполнение плана мести шокируют. Не приведи Господи попасть в руки такому человеку! Все, кто ему нужен, начинают волей или неволей играть отведённую роль в замысле мстителя. Сможет хоть что-нибудь остановить человека, который решил достичь своей цели любой ценой? Воленс-неволенс — просторечный вариант произношения латинского выражения *volens nolens*. Означает то же, что и «волей-неволей».

Содержание

20 мая 2017 года, суббота	5
***	12
***	21
***	30
21 мая 2017 года, воскресенье	33
***	35
***	41
***	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

20 мая 2017 года, суббота

Вторая половина мая. Почти лето. Черёмуха отцвела, и холодов больше не будет. Светлая кухня заполнена солнечным светом. Панельная двенадцатиэтажка Саратова. Форточка открыта, и майский ветерок колышет тюлевую занавеску. Запах сирени, цветущих садов: дом стоит на границе частного сектора. Солнце отражается на сверкающих поверхностях столов, шкафов. Всё блестит и искрится. В квартире так чисто и свежо, что можно подумать, тут никто не живет, что это какая-то выставочная кухня, которую нужно показывать как образец порядка.

Но в квартире живут. За столом на кухне двое. Мужчина двадцати пяти лет. Коротко стриженные тёмно-русые волосы аккуратно расчёсаны. Правильные черты лица делали его симпатичным и не запоминаемым. Мужчина пьёт утренний кофе и любит девушкой.

Напротив сидит девушка двадцати трёх лет. При быстром взгляде её можно было бы принять за бурятку или якутку. Чёрные прямые волосы, узнаваемый разрез глаз, смуглая кожа. Но стоит присмотреться, как восточные черты лица начинали исчезать, а серые глаза, остренький тонкий нос, губы, брови и главное – сам овал лица – свидетельствовали: славянка. Свою национальность девушка гордо именвала «сахалярка» и не забывала добавить: «Если что – зарежу и шкурку на бусы поменяю». Перед девушкой – чашка кофе, блокнот и недорогая шариковая ручка.

– Снова получается больше пятидесяти, – подняв глаза на Стаса, сказала Лиза.

Стас молча, с любовью посмотрел на девушку и пожал плечами:

– С моей стороны двое. Я и Платон. Согласись, мы не можем провести свадьбу без жениха. Гости этого не поймут.

– А без свидетеля?

– Без свидетеля можно, но Платон обидится. Он уже готов. Купил ментоловые конфеты и коробку презервативов.

Лиза округлила глаза и вопросительно посмотрела на Стаса.

– Ну, он, как свидетель, хочет там с твоими подружками познакомиться, – объяснил ассортимент покупок Стас.

– Коробку? – недоверчиво спросила Лиза.

– Платон – оптимист. Или я должен разрушить его иллюзии?

– Так. Серьёзно. Не отвлекай, нам в ресторан ехать, а мы численность гостей не знаем. Давай попробуем чуть больше пятидесяти пригласить?

Стас отхлебнул кофе, улыбнулся, посмотрел на Лизу:

– Насколько больше пятидесяти?

– Ну, семьдесят? – вжимая голову в плечи, виноватым голосом тихо проговорила Лиза, не глядя на Стаса, вопросительной, на всякий случай, интонацией. Помолчала и, поскольку небеса не разверзлись, добавила: – Семьдесят пять?

– А кто у нас будет без пары?

– Платон, – утвердительно сказала Лиза и добавила: – Свидетельница замужем.

– Платон?! Как это: «Свидетельница замужем»? Вековые традиции...

– Ой, ну гражданский брак. Свидетельница будет не одна, с мужчиной. Нет у меня одиноких подружек.

– Можем подождать со свадьбой. Родственники перемрут... от старости, – добавил после паузы Стас. – В бюджет уложимся.

– Не отвлекай. Тебе смешно, а у меня – стресс. Что по количеству гостей?

– Пятьдесят.

– С нами?

– С нами.

– Ну хотя бы пятьдесят шесть. Мне хочется позвать дядю Колю, я его не видела со школы. У него дочь, возможно, замужем, мы с ней в детстве в больницу играли.

– Кто был гинекологом?

– Мы тогда таких слов не знали. Пятьдесят шесть.

– Пятьдесят, – сказал Стас, допил кофе, сполоснул чашку, поставил её в сушилку для посуды. Взял салфетку и тщательно протёр стол, за которым сидел. Посмотрел на часы.

– Ты готова? Сейчас Платон подойдёт.

– Стас, почему этот ресторан и этот загородный дом? Давай посмотрим другое место. Есть залы, в которых может разместиться сто гостей?

– Лиза, я тебе говорил. Натали и этот загородный дом – мои партнёры по бизнесу. Там у нас будет VIP-сервис, тебя будут на руках носить. Там специальная цена и главное – не надо будет дядю Колю оставлять на ночлег в нашей квартире.

– Дядю Колю приглашаем?

– Пятьдесят.

– Мммм, – Лиза состроила недовольную гримасу и, когда Стас отвернулся на звонок в дверь, показала язык. – Пятьдесят два?

В дверь позвонили снова. Лиза в блокноте написала «54». Встала, выплеснула остаток кофе в раковину, сполоснула чашку, раковину. Поставила чашку в сушилку. Взяла салфетку и тщательно вытерла стол и раковину. Лиза слышала, как Стас открыл входную дверь. В квартиру вошёл Платон. Это было слышно даже на кухне.

Платон – ровесник Лизы, сотрудник Стаса и его единственный друг. Платон внешне был очень похож на Стаса: примерно тот же рост, сложение, такая же причёска, те же правильные черты лица, тот же стиль в одежде.

Внешняя схожесть Стаса и Платона была благодатной почвой для шуток Лизы. Ни Стас, ни Платон не обижались на эти шутки, напротив, то и дело давали новый повод, например, когда покупали себе одинаковые куртки. Последняя шутка Лизы была о том, что теперь Стаса и Платона можно будет отличить по самой Лизе. Если у парня есть Лиза, то это – Стас. Если Лизы нет, то – Платон. Платон сказал, что уже работает над этим.

Он шагнул в квартиру и сразу навёл в ней беспорядок. Фактически это был единственный недостаток Платона и единственное значимое отличие от Стаса. Платон умел наводить беспорядок самым фактом присутствия. И Стас, и Лиза знали эту сверхъестественную способность Платона, поэтому всё время подстраховывали. Открывали ему дверь, чтобы он не сломал ручку. Открывали ему воду, чтобы он не сломал смеситель. Наливали ему чай или кофе в специальную металлическую кружку, армейского образца. И в отличие от нескольких бокалов кружка держалась уже полгода: Платон никак не мог её разбить, хоть и не прекращал попыток. Стас и Лиза знали признаки того, что кружка сейчас полетит на пол, и упреждали ее падение. Стоило Платону начать что-то рассказывать, как его кружку или Стас, или Лиза поднимали со стола и держали, пока рассказ не закончится. Кто-то другой может рассказывать истории без активного жестикулирования, но не Платон.

– Готовы? – спросил он.

– Лиза? – Стас переправил вопрос Лизе.

– Да, – послышалось с кухни.

Через секунду появилась и сама Лиза в легкой летней блузке и голубых джинсах в обтяжку. Она чмокнула Платона в щёку и стала обуваться. Мужчины, уже готовые к выходу, терпеливо ждали, когда Лиза, обувшись, поняла, что эти кеды не подходят к блузке и выбрала другие. Наконец компания вышла на лестничную площадку. Лиза вызвала лифт.

– Платон, говорят, ты готовишься к нашей свадьбе самым развратным образом? – спросила она.

Платон вопросительно посмотрел на Стаса. Тот разглядывал лампочки, которые отмечают движение лифта: пятый, шестой. Двери лифта открылись. Стас жестом предложил войти в лифт. Лиза, Платон, Стас. Стас встал спиной к Платону и лицом к двери. Стас читал хулиганские надписи на дверях лифта.

– Стас? – Платон слегка подтолкнул друга в плечо. Лиза хихикала.

– При движении лифта пассажиры должны соблюдать тишину и порядок. Категорически запрещены драки и толкание в плечо. Эти необдуманные действия могут привести к остановке лифта. Пункт три точка одиннадцать. Всё сказанное мужу автоматически сказано и его жене. Пункт три точка двенадцать. При остановке лифта следует быстро выйти на лестничную площадку и не задерживаться в кабине.

– Платон, а кто в твоём вкусе? Я планирую познакомить тебя с кем-нибудь. Будет тетя Роза «с Адесы». Горячая, как песок Ланжерона.

– Спасибо, – укоризненно посмотрев на друга, сказал Платон.

– Ну, хорошо. Клава. Девственница.

Стас и Платон повернулись к Лизе.

– Тридцать два года, – добавила она.

– Не, ну я столько не выпью, – совершенно серьёзно сказал Платон.

– А с какой целью, Лиза, ты её приглашаешь? – спросил Стас.

Лифт остановился, и друзья вышли. Уже на улице, щурясь от майского солнца и осматриваясь по сторонам, Платон поинтересовался:

– А ведь драка будет?

– Ну не-ет, я не хочу, – капризно сложив губки, протянула Лиза.

– Драка будет, но с нашей стороны – только мы с тобой, Платон. Жених в драки ввязывается в крайнем случае, так что отдуваться тебе одному.

– Драка будет, – потирая кулаки, добродушно заверил Платон. Потом, посмотрев в свои пустые ладони, добавил: – Стас, ты взял пакет для Натали?

– Чёрт, в прихожей остался...

– Завтра придётся второй раз ехать? – вопросительно сказал Платон, скорее намекая, что уж лучше сегодня заодно завезти и пакет.

– Держи ключи. Возьми машину со стоянки. И ждите меня на Чернышевского. Я быстро!

Стас достал ключи от машины, передал их Платону. Развернулся и быстрым шагом вошёл в подъезд дома.

– Не прощаюсь!

– Ага, давай, – сказала Лиза, взяла под руку Платона, и они направились к стоянке.

Натали и «Дом в степи» были старыми клиентами Стаса. Раз в месяц загородный дом переводил на одну из компаний-однодневок деньги в качестве оплаты за то и за это. Работа выполнялась на бумаге. Предоставлялись отчёты, акты, все оправдательные документы, и вместе документами передавалась тугая пачка наличных денег. Операция нелегальная. Лиза знала. Собственно, на этой почве они и познакомились. Молодая и красивая предпринимательница искала способ обналичить деньги, ей порекомендовали Стаса. И завертелось. Через десять месяцев они решили пожениться. Через два месяца свадьба. Свадьба состоится в день их знакомства. Лиза любит такие совпадения, ей кажется, что это – знаки, а Стас не против. Май, конечно, не самый лучший месяц для свадьбы: «всю жизнь маяться» мало кому понравится, но Стас родился в мае, он уже – маятся. Маятой больше – маятой меньше...

Стас вошел в лифт.

Натали, управляющая загородным «Домом в степи», сделала очередной перевод безналичных денег, и, пользуясь случаем, Стас решил сам отвезти деньги. Во-первых, Натали будет чувствовать себя немного обязанной за эту услугу. Ей бы пришлось самой ехать почти сто километров и забирать деньги в банковской ячейке. Большинство клиентов видит Стаса один-

два раза в жизни, в каком-нибудь тёмном и шумном ресторане. Если стороны достигают договорённости, то больше они не встречаются. Как правило, не встречаются. Свои деньги и документы клиенты забирают в одной из банковских ячеек. Чем меньше личных контактов, тем безопаснее. Но есть и другие клиенты, с которыми приходится встречаться. Взять хотя бы генерала Фёдорова, чёрт бы его побрал.

Стас вышел из лифта, достал ключ от квартиры. Открыл дверь.

Генерал Фёдоров, чёрт бы его забрал. Потерял страх. Вот его и остановили. Да и пёс бы с ним, но на квартире, при обыске, был обнаружен самосвал денег. Теперь генерал в следственном изоляторе и отвечает на вопросы. На некоторые вопросы он отвечает охотно, на некоторые – крепко подумав. Взял и государственное финансирование новых видов вооружения перевёл себе в гостиную. Ну не идиот?! Впрочем, у Стаса не было возможности отказаться от контактов с генералом. Лично отвезить генералу наличные было частью сделки между Стасом и банкиром. Как теперь отвечает генерал на вопросы об источнике денег? Как они у него появились? Кто передал? Кто такой Стас? А как вы с ним познакомились? Наверняка генерал сам сейчас задаёт вопросы своим покровителям: мол, как же так? А те ему говорят: ты скрытничал тонну денег, ты нам больше не друг.

Стас понимал, что со дня на день к нему позвонят в дверь и зададут свои вопросы следователи. Он удивлялся, что этого ещё не произошло. Генерала арестовали в среду. Сегодня суббота. Может быть, у следователей есть выходные дни, и они позвонят в понедельник. Стас готов к этому звонку. Сразу после ареста генерала, о котором Стас узнал от банкира, Стас остановил операции по счёту. Закрыл офис и распустил сотрудников в отпуск на несколько дней, до выяснения обстоятельств. Стасу было обидно и досадно, что из-за жадности и глупости генерала его бизнесу, вероятнее всего, пришёл конец. Впрочем, то, что бизнесу придёт конец, Стас тоже всегда знал. Отец, который приобщил его к этому делу, с самого начала сказал, что все «мутные схемы» конечны. Но в «мутных схемах» есть своя прелесть, говорил он: когда кончается одна, начинается другая. И главная задача – держать нос по ветру.

Стас вошел в квартиру. Ну, конечно, вот он, пакет для Натали, лежит себе в прихожей. Стас взял пакет с наличными и документами для Натали. Вышел из квартиры. Захлопнул дверь и проверил, хорошо ли она закрылась. Вызвал лифт.

Банкир говорит, что генерал не дурак, и чтобы выжить и выйти когда-нибудь на свободу, всё сделает правильно, как ему подсказывает генеральское чутьё и мобильный телефон в камере следственного изолятора.

Двери лифта открылись. Стас не понял, почему его качнуло. Он схватился за косяк шахты лифта. Его оглушил звук чудовищного взрыва. Стасу показалось, что на секунду у него потемнело в глазах. Посыпалась штукатурка. Зазвенели стёкла. Двери лифта начали закрываться и на середине заблокировались. Стас снова покачнулся. Что случилось? Землетрясение? Взрыв? Лиза?!

Он кинулся к квартире. Достал ключ и открыл дверь. На полу прихожей была цементная пыль. Акварель, которую Лиза привезла из Парижа, ещё до знакомства со Стасом, лежала на полу. Стекло раскололось и рассыпалось по полу. Стас аккуратно, чтобы не наследить, прошёл к окну гостиной и, не отодвигая занавески, посмотрел на улицу.

Отказываясь верить тому, что видит, Стас отвернулся, встряхнул головой. С волос посыпалась цементная пыль. Стас снова посмотрел в окно. На дороге, под окнами дома, в ста метрах левее, была воронка. Рядом на боку лежала и горела машина Стаса. Сомнений быть не могло: машина взорвана. Стас достал телефон. Начал вытаскивать батарейку, потом оставил ее на месте. Следствие быстро поймёт, что между взрывом и тем, как отключился телефон Стаса, прошло несколько секунд. Значит, в момент взрыва Стаса в машине не было. В голове гудело от взрыва. Уши заложило. Стас прикрыл рот ладонью. В глазах стояли слёзы. Лиза! Этого не должно было произойти!

Генерал? Банкир? Оба вместе? От генерала к банкиру тянулась только одна ниточка, и этой ниточкой был сам Стас. Нет Стаса – нет ниточки. Банкир от косвенных обвинений отобьётся. Банкиру даже лучше, если Стаса не будут допрашивать. Стас снова посмотрел в окно. У места взрыва начиналась суета. Кто-то с огнетушителем. Кто-то бегают и машет руками. В субботнее утро нет обычной пробки. В будни таким взрывом был бы поврежден десяток машин. Стас пытался разглядеть знакомую фигуру в толпе, окружающей машину. Может быть, Лиза не пошла на парковку, а ждала на Чернышевского, в том месте, где в машину должен был сесть Стас. Он выгнулся, чтобы увидеть это место. Нет. Там никого нет!

Скорее всего, Лиза шла и пыталась Платона о его планах на свадьбу, с кем он хотел бы познакомиться.

Выискивая знакомых людей, Стас всё-таки увидел одного. Аркадий, помощник банкира. Стоит в толпе. И... кажется, фотографирует на телефон. Ну, сейчас этим никого не удивишь. Первое, что надо сделать, – сфотографировать и запостить в Инстаграм. Только вот Аркадий в Инстаграме не станет размещать эту фотографию! А через пятнадцать минут покажет её своему, как он сам говорит, патрону. Значит, банкир. Хорошо, одним вопросом меньше. Теперь понятно, кому придётся ответить за Лизу, Платона и исковерканную жизнь. Стас сжал кулак и едва не раздавил телефон.

Он развернулся, подошёл к шкафу. Открыл дверцу. Набрал код на сейфе, спрятанном в шкафу. Достал из сейфа два пакета, пачку денег, документы. Всё это положил в кожаный рюкзак, который стоял здесь же, в шкафу. Закрыв сейф и протёр все поверхности, которых касался. Оглядел себя в зеркало. Наклонившись над диваном, стряхнул цементную пыль с волос и куртки. Аккуратно, не наступая на пыль и осколки стекла на полу, двинулся из квартиры. В прихожей, протерев отпечатки на телефоне, засунул его между пуфиком и стеной. Следователи найдут телефон и подумают, что он случайно завалился за пуфик, Стас забыл его дома и сел за руль автомобиля.

Даже из окна было видно, что взрыв и последующий пожар практически уничтожили автомобиль. У следствия будет очень большая проблема с идентификацией людей, погибших во время взрыва. Они пойдут по самому простому и понятному пути. Автомобиль Стаса – значит, в нём погиб Стас. Кто же ещё?

Дальше: если бы Аркадий знал, что Стаса не было за рулём автомобиля, он не стал бы фотографировать место взрыва. Значит, Аркадий думает, что за рулём был Стас. Это хорошо. Значит, охота на Стаса временно закрыта.

Стас знал за собой способность спокойно и логично размышлять в состоянии любого стресса. Ему даже казалось, что в состоянии стресса он мог мыслить необычайно спокойно. Он взвешивал вероятности и исходы. Он был способен отстранённо думать о чём угодно, даже о своей смерти. Даже о смерти любимой. Эта способность удивляла Стаса. И пугала. В такие минуты Стас ощущал себя словно погружённым в жидкость, он не чувствовал тела, он почти не слышал окружающих звуков, и его мозг интенсивно работал в поисках решения. А ведь ещё два года назад этой способности не было и в помине. Не было даже намёка на подобную реакцию на стресс, пока в жизни Стаса не появился отец.

Стас забрал документы, предназначавшиеся для Натали. Хм, Натали спасла ему жизнь. Если бы он не вернулся за этими документами, то был бы мёртв.

Он тихо закрыл квартиру, проверил дверь, осмотрелся и стал спускаться по лестнице. Не встретив никого из соседей, Стас вышел на улицу, повернул в другую сторону от места взрыва и дворами, огибая здание школы, возле которой всегда полно свидетелей и камер наблюдения, повернул в пустой и тихий переулок. Поднял руку, и проезжающая машина сразу остановилась.

– Чапаева – Зарубина.

Водитель молча кивнул: садись.

Стас сел на переднее сиденье, рюкзак с деньгами, документами и пакетом для Натали поставил между ног.

– Это что ж такое там? – водитель кивнул в сторону взрыва.

– Говорят, кого-то взорвали.

– Надо ж, – задумчиво произнес водитель, – человек планы строил. А ему – на, приехали.

Стас молчал. Планы. Знал бы ты, мужик, кто и какие планы строил ещё десять минут назад!

– А кого взорвали?

– Неизвестно. Олигарха какого-нибудь. Нам с тобой можно не бояться. Мы никому не нужны.

Водитель такси посмотрел на Стаса, прищурился, будто хотел вспомнить или запомнить лицо. Потом посмотрел на рюкзак из дорогой кожи.

– Кому мы нужны? Ну уж я-то точно никому, даже детям. Собака у меня, дворняга, Мушка зовут. Вот только ей и нужен, – согласился таксист и снова посмотрел на пассажира.

Стас промолчал. Сейчас ему надо стать максимально незаметным, а таксист уже обратил на него внимание. Вряд ли он пойдёт в полицию со своими показаниями, но если его спросят, то ему будет что рассказать. И это уже плохо. Таксист может и адрес вспомнить.

По субботнему Саратову до места назначения машина долетела за пять минут.

– Здесь? – спросил таксист.

– Нормально. Сколько?

– Да сколько не жалко.

Мужик точно заинтересовался мной и тем, имею ли я отношение к взрыву, – подумал Стас. – Если я дам ему много, то он ещё и в полицию обратится. Как повести себя, чтобы он забыл обо мне совсем?

– Ну рублей сто пятьдесят... двести, нормально же?

– Нормально, – скучным тоном протянул мужик.

– У меня тыща. Есть сдача?

– Откуда?

– Я в «Пятёрочку» сгоняю разменять? – предложил Стас.

– Рюкзак оставь, – предложил таксист.

– Не, не могу. Там документы.

– Я уж читать разучился.

– Ну пошли вместе, разменяем и разойдёмся.

По виду мужика было понятно, что он потерял интерес к Стасу. Вряд ли человек, который хочет скрыться, будет ходить по магазинам и менять тысячу.

– Иди поменяй, я здесь подожду.

Стас зашёл в магазин, достал из кошелька двести рублей. Подождал пять минут и вышел. Запомнил номер машины: дореформенный 37-08 САХ. Подошёл со стороны водителя, протянул двести рублей. Водитель взял деньги и, не обращая больше внимания на Стаса, уехал.

Стас вернулся в магазин. Купил бутылку воды. Вышел. Убедился, что никто не ждёт его у входа и никто за ним не выходит. Обошёл вокруг дома. Никто не преследует его. Стас слышал звуки сирен, видел проезжающие пожарные машины, кареты «Скорой помощи». Спешили они к месту взрыва или по другим вызовам – было непонятно. В машине никто не мог выжить. Сколько было заложено взрывчатки? Взрыв был исключительной мощности. То ли из уважения, то ли чтоб наверняка. Тот, кто взрывал машину Стаса, не думал о сопровождающих жертвах? Что за дикость. Если банкиру мешал Стас, то почему бы не убить Стаса. Зачем взрывать микрорайон? Так могли действовать только армейские дуболомы. Какая была бомба под рукой, ту и прикрутили. По тому, как горела машина, легко предположить, что взорвали какой-то зажигательный снаряд. Снаряд всегда под рукой на такой случай, а снайпера под рукой не было.

Лиза, Лиза, Лиза! Я отомщу, можешь быть спокойна, дорогая. Они допустили худшую ошибку – оставили меня в живых. Банкиру – конец. Если он узнает, что я жив, то предпримет вторую попытку. Значит, все должны думать, что Стаса больше нет. Прощай, Стас! Я с самого начала знал, что однажды придётся проститься со Стасом, я был готов проститься с ним в понедельник, когда в дверь постучат следователи. Но Стаса не стало сегодня. Я отомщу и за Стаса!

Он подошел к подъезду 16-этажного дома, сданного в эксплуатацию год назад. Набрал код на двери подъезда, обернулся: никого. Стас не боялся встретиться в подъезде с жильцами, не боялся, что его узнают-опознают. В новостройках не скоро жильцы знакомятся друг с другом. Ещё не скоро поставят камеру на входе. Ещё не скоро начнут фотографировать всех, кто открывает дверь. Обычно сначала происходит какая-то беда. Стас вовремя узнает о камере, потому что к нему придут за деньгами на неё. Он поднялся на лифте на последний этаж. Достал ключ, которым он открывал дверь квартиры на Чернышевского. Тем же ключом открыл квартиру на Зарубина. Вошел, закрыл дверь, сполз по стене, сел прямо у входной двери на пол, опустил руки. Рюкзак лег рядом. На чистый пол капали слёзы. Стас сидел, плакал и видел, как его слёзы ударяются о паркет и разлетаются на ещё более мелкие брызги.

«Банкир отобрал у меня жизнь, теперь я заберу его. Банкир умрёт и перед смертью будет точно знать, кто и почему его убивает».

Патрульный автомобиль проехал по улице Радищева, мимо городского парка «Липки». Чернышевский на месте. Возле кафе «Кофе и шоколад» стоят двое: парень и девушка. Стоят спокойно, ничего подозрительного, на полицейскую машину не реагируют. Кто в Саратове не заметит полицейской машины? Закопослушный и благонадежный. А тот, кто знает, что встреча с полицейскими ему ни к чему, заметит машину краем глаза в полной темноте. Эти двое вполне благонадежны. Улица Советская, чёрная BMW, ровесница сержанта Рощина, припаркована с нарушением ПДД. Водитель у автомобиля, наблюдает за проезжающей машиной постовой службы. Знает, что парковка – не наше дело, и спокоен. Знает, что не станем мы из-за такого пустяки связываться с ГИБДД и нагнетать. Чернышевского. Хорошо в субботу утром патрулировать. Город отдыхает после пятницы. Все, кто планировал подраться, уже подрались и скоро проснутся. Не работает светофор на Октябрьской. И на Григорьева. Может, профилактика?

– Не слышал, ничего не говорили про профилактику? Светофоры не работают. Второй уже, – старшина Мясников повернулся к напарнику, сержанту Рощину.

– Да вроде нет, ничего не говорили.

– Понятно.

Мясников помолчал. Сержант Рощин, как будто хороший парень, но рвения в работе не проявляет. Отец научил Мясникова различать путных от непутёвых. Если человек знает всё о своём деле, если он интересуется деталями и всё запоминает. Если человек в свободное время развивает свои навыки, будь это кузнец или учитель – не важно, то это – путный, и с ним можно иметь дело. Если человек занимается одним делом, а душой в другом месте и занят другим, то это – непутёвый, и с ним дела лучше не иметь. Старшина Мясников не торопился принимать решение. Надо дать время проявиться человеку, всё-таки он только что устроился, после армии. В целом – правильный, но кажется поверхностным.

– Давай на Горную. Там развернёмся и ещё круг сделаем.

– Есть.

Патрульная машина уже развернулась, за спиной Волга, мост через Волгу, город Энгельс. Рощин пропустил грузовик и выехал на улицу Соколова. В момент взрыва грузовик, который пропустил сержант Рощин, закрыл патрульную машину от эпицентра. Закрыл от взрывной волны, но и закрыл видимость. Секундное замешательство водителя патрульной машины сменилось набором автоматических действий. Рощин вдарил «по газам», обогнул грузовик и, объезжая редкие машины, которые остановились от внезапности произошедшего, рванул к поднимающемуся столбу дыма. Мясников потянулся к тумблеру включения sireны, но обнаружил, что она уже включена и работает. Мясников понял, что он слегка контужен – не самим взрывом, а его внезапностью. Мясников включил рацию.

– Дежурный, дежурный! Взрыв на Малой Затонской, – начал свой доклад Мясников по рации.

– На Чернышевского! В районе «Магнита»! – уточнил Рощин, не отвлекаясь от дороги.

– Дежурный! Взрыв, предположительно, на Чернышевского, – поправился Мясников.

Патрульная машина пролетела перекрёсток с Малой Затонской: следов взрыва нет, значит, действительно на Чернышевского. Если взрыв был у «Магнита», то теперь там столько жертв! «Ну, теперь начнётся», – думал Мясников, но что конкретно начнётся, он пока не мог понять, так как за всё время службы такое происходит впервые. Это точно не граната. Это бомба! Машина повернула на Чернышевского. В сорока метрах от перекрёстка с улицей Соколова, посередине улицы была воронка от взрыва. В десяти метрах лежал раскуроченный автомобиль, полыхал, полностью объятый пламенем. То, что это автомобиль, можно было дога-

даться, но не увидеть. Вот моторный отсек, вот какие-то искорёженные куски металла, вот часть колеса. Но где пассажирский салон? Патрульный автомобиль остановился.

– Двадцатый, что там у вас?

В радиии зазвучал встревоженный голос дежурного по городу.

– Вызывай МЧС и доктора, – крикнул старшина Мясников Рощину, выбираясь из машины.

– Дежурный, взрыв на Чернышевского. Взорвана машина! Марку установить не могу. От машины остался двигатель. Воронка метра полтора! Кроме взорванного автомобиля пострадавших не наблюдаю.

– Оцепить! Никого не подпускать! Задержи свидетелей.

– Есть.

Мясников слышал звуки сирен приближающихся машин спецслужб. Осмотрелся. Старик встаёт с земли, отряхивается, держится за голову. Этот не убежит. Пацаны жмутся друг к другу и подходят ближе к месту взрыва. Эти не убегут. Женщина в дверях «Магнита» не может решиться: выходить или не выходить.

– Рощин!

Мясников оглянулся в поисках напарника. Тот на другой стороне улицы оказывал первую помощь женщине, которая ехала на велосипеде и пострадала от взрыва. Ценный свидетель. Не уедет. Сержант Рощин обернулся и вопросительно посмотрел на напарника.

– Хорошо, продолжай. Я сам.

Мясников направился к «Магниту».

– Пожалуйста, оставайтесь внутри. Для вашей безопасности. Я скажу вам, когда можно выйти.

К месту взрыва приехали две машины МЧС, три машины «Скорой помощи» и начали съезжаться полицейские. Сейчас тут будет, как на параде: всё начальство города.

Старшина не ошибся. По случаю взрыва приехали все. Подчинённые, как и положено, слушали команды, брали под козырёк и ждали, когда начальство разъедется и можно будет приступить к делу. По случаю такого общественно-опасного события на место взрыва приехала следователь по особо важным делам следственного комитета Ольга Алексеевна Романова, про которую говорили: «Сбитый лёгчик». Мол, когда-то она давала жару преступному миру, но последние пару лет работает без былого энтузиазма.

Но ещё раньше на место взрыва приехал дежурный оперативник Сергей Иванович Зубков. Опытный опер, который, по мнению начальства, слишком часто шутит и всё время неудачно. Зубков умело организовал работу по сбору улик. Сотрудники полиции, которые первыми прибыли на место взрыва, собирают контакты свидетелей. Сам Зубков и приехавшие с ним эксперты-криминалисты осматривают машину. То, что от неё осталось.

– Валера, почему всё так оплавилось? – спросил опер Зубков своего коллегу-криминалиста, показывая на края металла, которые ещё недавно были капотом автомобиля.

– Сдаётся мне, это был не динамит, – задумчиво, словно сам себе, ответил Пыталов.

Взрыв нанёс значительный урон жилым домам частного сектора, которые были поблизости. Прибывший участковый подошёл, поздоровался с Зубковым и начал составлять протоколы, чтобы зафиксировать разрушения.

Следователь по особо важным делам Ольга Алексеевна Романова стояла на обочине, вблизи с воронкой, и опрашивала свидетельницу взрыва со ссадинами на лице. Свидетельница едва держалась на ногах.

Из частного дома в пятидесяти метрах от эпицентра взрыва вышел старик, осмотрелся, безошибочно определил, кто тут главный, и подошёл к Романовой, держа в руках искорёженное рулевое колесо.

– Это, наверное, ваше, – протягивая ей руль, сказал старик.

– Что это? Где вы это взяли?

– В огород прилетело. Наверное, ваше.

– Господи, ну зачем вы всё лапаете! Сергей Иванович, что тут у вас свидетели самодея-тельность устроили. Распорядитесь! – воскликнула Романова и вернулась к допросу женщины.

Старик виновато положил руль на землю. Пожал плечами, будто хотел что-то сказать, но теперь передумал. Развернулся и пошёл к дому, рядом с которым, навалившись на стену сарая, лежал поваленный взрывом тополь.

– Ну куда вы теперь пошли? Мужчина! Стойте. Надо отпечатки снять. Сергей Иванович, снимите у него отпечатки. Он теперь весь руль излапал. Помощничек, мать его, – разозлилась Романова, которая всё же заметила попытку старика уйти.

Старик показал на дом.

– Мне ещё окна вставлять. Если дождь пойдёт, фуражками закроете?

– Пишите заявление, получите компенсацию.

– Заберите себе, – сказал старик обиженно.

– Прекратите сопротивление властям! Пройдите в лабораторию. Дольше препираться будете.

Старик смирился с необходимостью сдавать отпечатки. Зачем он этот чёртов руль при-нёс? Хотел помочь. Не сотрудничал 70 лет и нечего было начинать.

Оперативник дал распоряжение парню, который был всё время рядом, и продолжил своё дело.

– Меня зовут Павел Толков, я стажёр. Пойдёмте! Я постараюсь, чтобы вас поскорее отпу-стили. Прошу к тому микроавтобусу.

– Стажёр, значит. Ну пошли.

– А что вы слышали или видели непосредственно до взрыва или сразу после него? – проявил искренний интерес стажёр Толков.

– А ничего. Сидел на кухне, лицом к стене, ничего кроме стены не видел. Потом взрыв, потом вот вы меня в автобус ведёте. Это всё.

Стажёр разочарованно посмотрел сначала на свидетеля, потом на следователя Романову.

– Она зря так с вами. Все на нервах. Вы не обижайтесь.

Свидетель промолчал. В своём саду он заметил окровавленную пряжку ремня. Она висела на каких-то лохмотьях, на кусте, в конце его двора. Он посмотрел на стажёра и подумал: «Дальше сам, малец. Может, ты сейчас нормальный, дай время, и система тебя перекуёт».

Стас встал, вытер слёзы. Прошёл в спальню и снял всю одежду, затем – в ванную, принял душ. Он стоял под душем и плакал, вспоминая Лизу и их планы на свадьбу. Стас был в курсе: Лиза ещё никого из гостей не предупредила о свадьбе и хотела сделать всем сюрприз. Она не часто общалась с родителями. Редко переписывалась sms-ками с мамой. Очень редко говорила по телефону. Её не хватятся ещё долго, подумают, что новостей нет, вот и не выходит на связь. Стас не знал адреса родителей. Стас не говорил с родителями Лизы. Сама Лиза это объясняла уклончиво: нет необходимости. Ему это было на руку.

Он вышел из душа обёрнутый широким белым махровым полотенцем. В комнате оделся по-домашнему: майка и мягкие брюки. Вторая квартира во многом была похожа на первую, в которой Стас ещё утром пил кофе и строил планы на предстоящую свадьбу. Простая, лаконич-ная, современная мебель. Минимум мебели. В спальне – широкая кровать, шкаф-купе, при-кроватьная тумбочка. На стене – телевизор. В изголовье кровати – лампы. Не было даже кресла. Только вешалка для одежды. Спальня походила на гостиничный номер. Светлые, почти белые стены, минимальный набор мебели, мягкий ковролин на полу. Тяжёлые непрозрачные шторы

на окнах. Если их закрыть, то в комнате будет темно, как ночью. Чисто, невероятно чисто. Так же чисто было в гостиной, прихожей и на кухне. В квартире не пахло едой, не было ощущения, что тут кто-то живёт. Современная мебель. И ни одной книги, ни одной фотографии, ни одного цветочка. На кухне – набор посуды, которым могут обойтись два человека. В кухонном шкафу – крупа, чай, кофе, сахар, макароны и консервы. Никаких свежих овощей и фруктов. В большом холодильнике – оливковое масло, рыбные консервы, маслины. В морозильнике – какие-то полуфабрикаты из мяса птицы. На этих продуктах можно продержаться неделю, не выходя из дома.

Стас подошел к шкафу в гостиной. Открыл его. Переложил стопку одежды с одной полки на другую. Что-то нащупал и потянул на себя. Снова запустил руки вглубь полки, на которой лежала выглаженная одежда, и достал деревянную заглушку. За ней была дверца сейфа.

Стас набрал код и открыл сейф. Достал красную папку. Открыл её. На самом верху аккуратно лежал паспорт гражданина Российской Федерации. Паспорт на имя Климент Александровича Гамазы. В дверь позвонили. Стас вздрогнул. Закрыв папку, положил её в сейф. Прислушался. В дверь снова настойчиво позвонили. Стас закрыл крышку тайника. Положил на полку одежду. Тихонько подошёл к входной двери. В дверь постучали.

– Кто?

– Сосед. Клим, открывай, дело есть.

Стас вздохнул с облегчением. Открыл дверь. На пороге стоял сосед Валерик. Он был пьян.

– Валерик, охренел. Я с командировки. Ну, чего тебе?

– Ты не слышал? У нас тут взрыв. Многоэтажный дом взорвали.

– Террористы?

– Поитисты. Откуда я знаю. Давай ко мне, за помин души.

– У тебя там кто-то погиб?

– У меня там земляки погибли, понимаешь!

Валерик сделал движение войти в квартиру.

– Валерик, стой. Ты знаешь, я не пью. Я с командировки. Мне надо отдохнуть и снова в путь.

– Наркокурьер, что ли? Дома не бываешь. Водку не пьёшь. Денег много. В долг не даёшь. Не наш ты человек, Клим.

– Валерик, иди куда хочешь. Пропись сначала.

Клим ощутимо толкнул Валерика в грудь, чтобы освободить и закрыть дверь. Тот отступил, что-то забубнил обиженно, но развернулся и пошёл звонить в двери других соседей по площадке.

Клим вернулся в гостиную. Снова открыл сейф, достал красную папку. Взял паспорт. Климент Александрович Гамаза, 1993 года рождения, место рождения: г. Саратов.

Он держал в руках свой настоящий паспорт. Под настоящим именем Клим знали детсадовские друзья и подруги, одноклассники из школы, одноклассники из института. Клим родился на той окраине Саратова, которая славилась тёмными делами. Встреча с одноклассниками Климу почти не грозила, те, что выжили, уже забыли про него и не узнают на улице. Группа в институте была недружная, закончили обучение и разбежались. Никто ни разу не пытался собрать всех вместе.

Стаса тоже знали немногие. И если человек знал Стаса, значит, он так или иначе был связан с криминальным бизнесом по обналичиванию денег. Лизу со Стасом год назад познакомил Илья Петрович. Он регулярно обналичивал небольшие суммы через Стаса. Как было заведено, Стас и Илья Петрович встретились в первый раз лично, а все последующие сделки совершались удалённо. Всё общение происходило через электронную почту, соцсети, мессен-

джеры. Деньги и документы Илья Петрович забирал в ячейке банка. Ключ от ячейки он легко находил по подсказкам из сообщений Стаса.

Однажды Илья Петрович написал, что у него есть поставщик, очень интересная девушка. Ищет способы обналичивания таких же небольших сумм. Илья Петрович просил разрешения дать Лизе контакты Стаса. Стас встретился с Лизой, обналичил первый транш. Второй. Потом Стас пригласил Лизу в кафе. Потом домой. Когда Клим понял, что влюбился в Лизу, а Лиза в него, было поздно. Клим знал, что раскроется Лизе. Крайним сроком был момент, когда они пойдут подавать заявление. То есть до момента раскрытия секрета оставались считанные дни. Клим уже проиграл в уме разговор с Лизой. Он знал все возможные реакции Лизы на эту новость. Он знал, как поведёт себя Лиза. Она, конечно, удивится. Но Клим объяснит конспирацию нелегальным бизнесом, которым он занимался под именем Стаса. Когда преступление вскроется, то будут искать Стаса, а Клим – просто брат-близнец. Пойди ещё докажи, что это одно лицо, если всё правильно сделать с самого начала. Лиза спросит: почему не сказал раньше... Да, тут косяк, не мог найти подходящего момента и подходящих слов. Этого объяснения Лизе вполне хватит... Хватило бы.

Клим – законопослушный гражданин, владелец небольшой, но активно работающей логистической компании. У Климa есть гараж, в гараже три грузовика, которые каждый день выполняют большие и малые заказы разных компаний Саратова и окрестностей. Эта работа давала Климу возможность быть в командировках всё время, которое он должен был быть в командировках. Стас – Станислав Александрович Белов – мошенник, занимающийся обналичиванием средств через подставные компании, нелегальный офис которого находится в том же гараже, только вход с противоположной стороны. Вход в офис, где занимаются обналичиванием, замаскирован под магазин запчастей. Сотрудники этих двух компаний могли видеть своего руководителя, который подъезжал на работу. Но сотрудники одной компании считали, что приехал Стас. Сотрудники другой видели, что приехал Клим.

Клим сидел за столом, крутил в руках свой паспорт и думал. Ему нужно было срочно найти ответы на многие вопросы.

Заказчик – банкир. Исполнители – подчинённые генерала. Это – понятно. Но как банкир мог осмелиться на покушение? Как он смог сговориться с генералом? Согласен, им обоим удобно, чтобы я был крайним и мёртвым. Как банкир решился на взрыв? Он не мог не посоветоваться с авторитетными людьми. Советовался? Советовался, и ему разрешили? Маловероятно. Отец Климa был авторитетным вором и пристроил сына к нелегальному бизнесу не просто так. Получается, банкир, не советуясь с авторитетами, проявил инициативу? Или всё-таки авторитеты одобрили план банкира?

Теперь главными для Климa были два вопроса: в курсе ли авторитеты, и одобрили они убийство сына своего товарища, если были в курсе? На кону большие деньги. Всё может быть.

Клим встал, прошёл по комнате из угла в угол, развернулся и снова стал ходить по диагонали.

Если авторитеты одобрили убийство, значит, договор, который заключил отец Климa перед смертью, больше не действует. Отец Климa, уголовник со стажем, пристроил сына в нелегальный бизнес, и авторитетные люди взяли Климa под своё крыло. Или под крышу. За это покровительство Клим регулярно платил. Все, кому было положено, знали, кто чей человек, и система работала. Но арест генерала изменил правила игры.

Отец, вероятно, не до конца доверял своим корешам и представил авторитетам сына как Стаса. Про Климa никто в теме обналичивания не знал. Если Александр Гамаза говорил, то ему верили на слово. Смертельно опасно было не поверить. Бандиты теперь уже знают, что Стас погиб. Ну, допустим, они предъявят банкиру претензию. Он отвергнется, а в крайнем случае откупится, и деньги продолжат поступать. Просто изменятся схема и действующие лица.

Получил ли банкир согласие авторитетов? Если да, то дела – хуже некуда. В таком случае Клим не может обратиться к ним за восстановлением справедливости. Если авторитеты были в курсе, то они просто передадут Клима в руки банкира, чтобы тот закончил начатое.

Значит, пока нет другой информации, Клим должен действовать в одиночку. Он не может рисковать, обратившись к авторитетам. Хорошо. Ну что ж, вопрос решён.

Дальше.

Банкир, заказчик взрыва, уверен, что Стас погиб. А значит, больше нет свидетеля, который мог бы раскрыть роль банкира в незаконном обогащении генерала и сотен других клиентов, которые до поры успешно уходили от налогов.

Бизнес Стаса был организован так, что сотрудники не приходили на работу самостоятельно. Их по городу забирал Платон. Или даже специально заказанное такси. Если сотрудников после окончания отпуска никто не заберёт с условленных точек, они уйдут домой и будут ждать звонка. Если их никто не заберёт три дня и не будет звонков, то они будут знать, что контора закрылась, и начнут искать себе новую работу. Кстати, если сюжет о взрыве выйдет в вечерних новостях, то сотрудники даже не выйдут на условленные точки сбора.

Офис компании, занимающейся обналачиванием, был в том же здании, где располагалась логистическая компания Клима. Фактически Клим сдавал обнальной конторе Стаса площадь в аренду. По бумагам это был магазин запчастей, склад и подсобка. Вот эту подсобку найти было бы очень не просто, даже если кто-то станет предметно искать. Завтра от арендатора и подсобки ничего не останется.

Клим взял свой мобильник, набрал заместителя по логистической компании.

– Володя, привет, извини, что в выходной. Я в Москву улетаю. Во вторник-среду буду в Саратове. Приготовь три контейнера с плотно закрывающимися крышками... Да, можно пластиковые. Здоровые. В каждый должен поместиться взрослый человек... Да ну тебя... Кое-что надо на дачу увезти. Давай, до встречи. На связи.

Как скоро следователи узнают, что погиб Стас и у него есть «брат-двойник»? Всё ли Клим с отцом предусмотрели? В квартире на Чернышевского отпечатки трёх человек. Платона, Лизы и Клима. Но ведь следствию легко будет предположить, что отпечатки принадлежат Стасу, его гражданской жене Лизе и брату-близнецу Климу.

Клим научился чётко разделять группы общения. Он всегда знал, кто он для собеседника, и никогда не путался. Отец научил его: чтобы не попасться на лжи – надо говорить правду. Клим сказал, что не всегда можно говорить правду. Тогда, сказал отец, ничего не говори.

Для нелегального бизнеса по обналачиванию Стасу нужен был помощник. Два года назад, на заре своей криминальной карьеры, Клим случайно заметил Платона в банке. Платон пришёл просить отсрочку платежа по кредиту и устроил скандал. Внешнее сходство Платона и Стаса стало одной из причин, по которой Платон стал помощником Стаса. Если Стаса и Платона поставить рядом, то люди скажут, что парни чуть-чуть похожи, но все станут говорить о различиях. Если же Стаса и Платона показать людям, потом попросить их составить словесные портреты, то эти портреты будут неотличимы. Клим представился Платону Стасом, помог ему с кредитом, потом взял к себе помощником. Дело решили два обстоятельства. Во-первых, Платон был похож на Клима. Во-вторых, Платон выполнял поручения Стаса с большим энтузиазмом. Второе обстоятельство было решающим.

Прежде чем Платон был принят помощником, с ним познакомился отец Клима, поговорил и одобрил кандидатуру.

Отец много сделал для того, чтобы Клим стал Стасом.

Первой книгой, которую отец заставил прочитать сына, была «Работа актера над собой в творческом процессе воплощения» Станиславского. Они потом много раз возвращались к идее перевоплощения. Климу было не просто стать другим. Стать нарушителем. Он был воспитан послушным, тихим, эмоциональным, добрым. Стасу предстояло стать расчётливым, злым,

решительным. Сначала это была игра в перевоплощение. Теперь нет. Теперь Клим всё чаще ловил себя на том, что роль вырвалась из-под контроля и стала доминировать. Клим стал Стасом. Стал злым, решительным, мстительным. Если Стас принимал решение, то ничто не могло его остановить. Разве что смерть. Клим можно было отговорить и переубедить. Со Стасом этот номер не пройдет. Он всё тщательно и спокойно продумает, взвесит вероятности и перспективы и примет решение. После того как решение принято и ракета стартовала, ничто не может изменить её курс, как говорил отец.

Клима пугала мысль о том, что Лиза полюбила практичного, решительного и деятельного Стаса. Доброго и эмоционального Клим она не знала. Стас не познакомил Лизу с Климом. Лиза полюбила Стаса. Стас, а не Клим (!) полюбил Лизу. И как-то так вышло, что в последнее время Клим всё реже получал власть над своим делом. Как люди, переезжая в другую страну, учат новый язык, и потом «хоп!», и они начинают думать на новом, не родном для них языке. Так и Клим играл-играл роль Стаса, потом «хоп» и стал Стасом. Думал, как Стас. Действовал, как Стас. Говорил, как Стас. Любил, как Стас.

Клим прочитал в командировке книгу, которая ему попала в отеле: «Человек-амфибия». Ихтиандр так много времени проводил в воде, что стал больше рыбой, чем человеком. Клим опасался, что Стас его полностью заменит. Стас во всем был лучше, успешнее, счастливее, в конце концов. Клим, сколько себя помнит, был полон сомнений. Клим не мог вспомнить ни одного случая, когда Стас сомневался.

Для людей из бизнеса Клим был Стасом. Единицы, кто знал Стаса, знали его настолько хорошо, чтобы быть в курсе, что он приехал в Саратов из Казахстана три года назад, живёт с девушкой Лизой. Но не было настолько близких людей, которые бы знали про брата-близнеца. Была подготовлена легенда о том, как братьев разлучили при рождении и как они встретились три года назад. Но легенда ни разу не была востребована.

Не было ни одного человека, который знал бы и Стаса, и Клима одновременно.

Сегодня, 20 мая 2017 года, наступило время, которого Клим ждал с момента, когда у него в руках оказался паспорт на имя Стаса. Стаса больше нет. Клим знал, что однажды придётся «убить» Стаса, но в его планах это было более канцелярское убийство. Был и пропал, уехал куда-то.

Клим сел за стол, взял в руки свой настоящий паспорт. Посмотрел на фотографию. Положил паспорт на стол. Перебрал остальные документы. Взял две кредитные карты на имя Клименты Гамазы, взял восемь купюр достоинством 5000 рублей, две купюры достоинством 1000 рублей, телефон. Проверил заряд телефона. Посмотрел на часы на экране телефона.

Теперь Климу нужен был план. Банкира сегодня не застать врасплох. Скорее всего, ради алиби он или за городом с шумной компанией, или в Москве, или даже за границей. Завтра в понедельник банкир будет в Саратове. Но Климу в банк не зайти. Начальник службы безопасности банка наверняка участвовал в разработке плана, и охранники узнают Клима, когда он попытается зайти в банк. Начальник СБ банка обязательно заинтересуется, как можно вернуться с того света.

Про взрыв и кто погиб во время взрыва скоро станет известно всем. По новостям покажут. В банк не зайти. Даже если Клим зайдёт в банк, прорвётся в кабинет и застрелит банкира, то как ему выйти наружу и остаться на свободе? Банкира нужно застать врасплох, там, где рядом не будет охраны, а сам банкир уже не будет ждать мести. Через неделю банкир уже перестанет думать про это дело. Успокоится. Решит проблемы с авторитетами, если они не санкционировали это убийство. Если ему присудят штраф, то через неделю он его выплатит и успокоится окончательно. Банкир уверен, что за Стаса ему никто мстить не будет.

Клим вспомнил фразу о том, что месть – это блюдо, которое надо подавать холодным. Не планировал Клим становиться душегубом, но если нет выбора, то и думать об этом нечего и терзаться всякими мыслями. «Воленс-неволенс», – говорил отец в подобных ситуациях. Он

вкладывал в эти слова свой смысл: когда надо делать, то надо делать, и надо понимать, что ситуация сильнее человека и часто определяет поступки. Даже если тебе не хочется, ты должен делать то, что должен. Воленс-неволенс. Клим знал, что у отца и кличка была – производное от этой фразы – «Воленс». Иногда – «Воленс-неволенс».

Клим знал, что только ему отец открыл секрет влияния на людей. Этот метод отец называл... «Воленс-неволенс». Он говорил, что другие люди должны делать то, что хочет от них Клим. Лучше всего, если они будут делать это «воленс», то есть по своей воле, потому что будут думать, что действуют в своих интересах. И это самое главное. Нужно так выстроить ситуацию, чтобы человек был уверен, что действует в личных интересах, но на самом деле он должен был делать то, что нужно Климу. Так получилось с Платоном. Платон действовал «воленс», по своей воле, предполагая, что поступает в своих интересах. На деле Платон работал на Стаса «в тёмную» и часто даже не понимал сути выполняемых поручений. В итоге Платон прикрыл Стаса, их перепутали и взорвали машину, предполагая, что в машине сам Стас.

Иногда, когда нет времени или возможности использовать для управления «воленс», наступало время «неволенс». Ситуация выстраивалась так, что, убегая от проблемы, человек снова делал то, что нужно Климу. В этом случае задача Клина – создать человеку, от которого что-то требуется, правильную проблему.

Клим за последние два года поднаторел в искусстве управления. Его водители получали долю от разницы между доходом и расходами и волей-неволей заботились о снижении расходов и повышении дохода. Они могли бы украсть, как крали на предыдущих местах работы, но истории о тех, кто пробовал воровать у Клина, студили им кровь. Никто не верил в эти истории, но и красть охоты не было. И волей-неволей они работали честно и получали по справедливости. Никто не мог сказать, что Клим недоплачивает. Поэтому, когда им предлагали другое место, водители, подумав, отказывались. Они, не воруя, зарабатывали вполне прилично.

Клим слишком мало общался с банкиром, чтобы выстроить такое управление им. Надо убивать банкира. Как? Чьими руками? Кто готов убить банкира по своей воле? Как к банкиру подобраться? Какие у него слабости? Девки, деньги, девки, деньги, девки. Тут и надо искать возможность. Клим подошёл к сейфу. Открыл коробку, которая лежала в сейфе. Достал пистолет. Чёрный ПМ со сбитыми номерами. «Чистый, – сказал отец, передавая пистолет Климу, – со склада округа». Отец говорил, что деньги в качестве ключа открывают любую дверь, важно только правильно подобрать сумму.

Клим снова сел за стол. Перед ним лежал его паспорт, деньги, пистолет. Клим погрузился в свои мысли и просидел так ещё не менее часа, не замечая, что происходит вокруг. Клим снова вспоминал Лизу. Их планы. То, как дело обернулось, и теперь не надо объяснять Лизе, что он не Стас, а Клим. Он думал об отце.

До встречи с отцом Клим жил скромно. Подрабатывал водителем то тут, то там. Перебивался с хлеба на воду, и бывали дни, когда он сидел без копейки. Клим воровал каждый раз, когда представлялась такая возможность. Он не считал себя вором и, если бы кто-то назвал его так, то Клим бы сильно удивился. Ну какой он вор? Сто литров соляры продал, и что теперь – вор, что ли? Тогда все вокруг – воры, но так ведь не может быть. Если в консерватории все воры, то значит, что-то не то с самой консерваторией.

Отец изменил жизнь Клина. Сначала паспорт на имя Стаса. Так у Клина появился брат-близнец для совершения тёмных дел. Потом больше года отец тренировал Клина выживать в этом, как он говорил, зверинце. Клим стал жёстким и даже жестоким, целеустремлённым и безжалостным. Ценность чужой жизни для Клина была равна нулю. Убрать с дороги всё, что мешает твоему движению к цели.

Надо лететь в Москву, разработать и подготовить план мести. Клим сейчас должен подготавливаться. Ему нужен план и исполнители. В Москву!

Документы, деньги и телефон Клим положил в небольшую наплечную сумку. Снова взял в руки пистолет, вынул магазин, погладил медную оболочку пули, взвёл курок пистолета и спустил его. Вставил обойму с патронами на место. Протёр пистолет тряпочкой, которая лежала тут же. Убрал пистолет. Закрыл сейф. Осмотрелся. Вызвал такси в аэропорт.

Выйдя из квартиры, он закрыл дверь на замок. Клим спустился на лифте, вышел из подъезда. Через пару минут подъехала машина такси.

По факту совершения убийства было возбуждено уголовное дело. Расследование было поручено следователю по особо важным делам, Романовой. Начальник криминальной полиции Павел Павлович Литвинов ввиду особой опасности преступления назначил в следственно-оперативную группу трёх оперов: Зубкова, Кулешова, Пятибратова. В довесок он прикрепил к группе стажёра Толкова – старшего сына одного ответственного сотрудника прокуратуры.

Романова вызвала оперов и эксперта-криминалиста Пыталова к себе. Тесный кабинет руководителя следственной группы едва вместил шесть человек. На рабочем столе были разбросаны схемы, рисунки, документы.

– Давайте версии. Мне через тридцать минут докладывать. Ну? – сказала Ольга Алексеевна. Обвела всех присутствующих строгим, но скучающим взглядом. В углу зашушукались эксперт-криминалист Валерий Пыталов и стажёр. Руководитель следственной группы постучала карандашом по столу. – Вам там, Валерий Григорьевич, весело?

– Почему сразу весело, мы про версии как раз и говорили, – обиделся Пыталов.

– Ну, и какие у вас версии? Докладывайте.

– Версия у Паши. – И Пыталов повернулся к стажёру: – Доложи.

Стажёр встал и, заметно волнуясь, начал.

– Со слов свидетеля, который видел, как двое садились в эту машину на стоянке, мы знаем, что неустановленный мужчина и как минимум одна пассажирка 20 мая сего года, в 8 часов 24 минуты были убиты в результате подрыва автомашины, которая принадлежала Белову Станиславу Александровичу. Машина, «Шкода Октавия», куплена четыре месяца назад у гражданина Игнатьева В. К. Месторасположение этого Игнатьева пока не установлено.

Присутствующие зашумели. Стажёр прервался, непонимающе посмотрел вокруг.

– Игнатьев ваш – объект недвижимости? – спросила Романова.

– Нет, почему. Человек, скорее всего. У него и номер паспорта есть, и дата рождения.

– Тогда говорите: местонахождение гражданина Игнатьева не установлено.

– А я как сказал?

– Месторасположение.

– А надо?

– Местонахождение, – одёрнул стажёра Пыталов.

– А, понял, извините, я запомню. Месторасп... Местонахождение гражданина Игнатьева пока не установлено. По адресу прописки он не проживает, и его бывшая не знает, где он, или говорит, что не знает.

– Что значит «бывшая»? – строго спросила Ольга Алексеевна.

Стажёр посмотрел на Пыталова.

– Бывшая супруга Игнатьева. Они в разводе. Но прописан по адресу, где проживает его бывшая семья.

– Так и говорите. Продолжайте! – Руководитель следственной группы посмотрела в бумаги, которые лежали перед ней: – Толков. Используйте свои шансы с толком.

Впервые Ольга Алексеевна посмотрела на окружающих с улыбкой.

– Поведение людей, которые садились в машину, со слов свидетеля, было обычным, спокойным. То есть не было признаков, что машину угоняют. Он бы на них и не посмотрел, но машина, в которую садились эти двое, стояла вблизи машины свидетеля, и только поэтому он обратил на них внимание. То есть можно предположить, что за рулём был владелец автомобиля, Белов Станислав Александрович. Убитый управлял автомобилем, который находился у него в собственности. Однако, интересный факт: у погибшего Станислава Александровича не

было прав на управление автомобилем. Он никогда не получал водительского удостоверения. Это довольно странно, как мне кажется.

– Свидетель разглядел этих двоих? – уточнила Романова.

– Там есть только общее описание: мужчина и женщина. Он затрудняется определить даже возраст и цвет волос. Когда он понял, что они не возле его машины, он потерял к ним интерес. Когда через пару минут прогремел взрыв, он понял, что взорвалась именно эта машина, отъехав от стоянки 150 метров, – добавил оперативник Зубков.

– Это организованная стоянка? Там есть шлагбаум, охрана? – спросила Романова.

– Если бы. Просто площадка. Частично асфальтированная, частично гравий. Стихийная парковка, где многие жильцы окружающих домов оставляют машины, – ответил Зубков и добавил: – Для тех, кто встал, а тапки уже разобраны.

– Не поняла. Какие тапки? – спросила Романова.

– Есть поговорка – «Кто первый встал, того и тапки». А тут, кто первый приехал, тот паркуется во дворе. Кто опоздал, тот паркуется на этой площадке, – объяснил Зубков.

Романова махнула: перестань шутить.

– Так, за рулём был владелец без прав, предположим. Хватит лирики. Версия?

– Самоубийство по неосторожности.

– Что?! Вы что-то употребляете, стажёр?! Наркотики, алкоголь, таблетки? – воскликнула Романова.

– Нет.

– Жаль. Это бы всё сразу объяснило. Садитесь. Давайте версии, с которыми можно идти к руководству.

– Ольга Алексеевна, выслушайте Павла, мне кажется, в его версии есть смысл. – Пыталов привстал, сказал и снова сел на своё место. Опустил голову, ожидая разноса.

– Говори, стажёр, растолкуй нам.

Романова, улыбаясь, осмотрела присутствующих.

Стажёр Павел снова встал. Теперь он волновался заметно меньше.

– Мощность взрыва примерно в четыре-пять раз больше достаточной, чтобы гарантированно поразить всех, кто будет находиться в машине.

– И что это означает?

– Возможно, погибший перевозил взрывчатку, и она детонировала.

– Ну, допустим.

Начальник следственной группы задумалась. Если бы это было так. Самоубийство по неосторожности. Нет, так им не может повезти...

– Предположим. Версия. Маловероятная. Зачем он с женщиной в машину сел, если там взрывчатки мешок? Давайте другие версии. Что мы ещё знаем к настоящему моменту? – Романова посмотрела на часы. – Давайте, у меня десять минут.

– Есть информация. Пока не проверенная, Ольга Алексеевна, – начал было оперативник Зубков, весельчак и балагур.

– Говорите, Зубков. Только серьёзно, мне сейчас не до ваших шуток.

– Да мы тут вроде одно дело делаем, какие могут быть шутки.

– Мы дело расследуем, Зубков. Дела делают по другую сторону закона. Говорите свою непроверенную информацию.

– Есть информация, что погиб Белов Станислав Александрович, и погибший был связан с генералом Фёдоровым.

– Это который... – начала было Романова, но все знали, кто такой генерал Фёдоров.

– Да, которого товарищи из ФСБ на растрате государственных денег приняли.

– Ой, без вашего жаргона, пожалуйста.

– Похоже, наш труп, когда шевелился, то шевелился на ниве незаконного оборота наличных денег в особо крупном.

– Что мы про него знаем, кроме имени?

– Есть данные, что погибшего звали Белов Станислав Александрович, – сказал Зубков. – Я только что со встречи и не успел информацией поделиться с коллегами. Да она ещё и не проверена. И это пока всё.

– Так, подождите, что, этот ваш Белов – в разработке у конторы? – спросила Романова.

– Да они разве скажут.

– Что вы, Зубков, думаете, какая версия у вас?

– Заказуха. Стирают, те, к кому следы ведут от генерала.

– А к кому они ведут?

– К кому, к кому. Наверх. Тут можно бабке не звонить.

– Хоть бы это было самоубийство по неосторожности, – тихо произнесла Романова. Взяла бумаги со стола.

– Я на доклад, а вы работайте. Версия – заказное убийство. Адрес проживания известен?

– Пока нет. Понятно, что в одном из окружающих домов, – ответил Зубков.

– Поквартирный обход начали?

– Участковый приступил.

– Зубков, достаньте из своих источников всё, что можно, об этом Белове. Сегодня!

– Я столько не выпью, Ольга Алексеевна.

– Хватит. Если надо, иди и пей. Если надо для дела, иди и спаивай. Кого хочешь. Вон стажёра пока не надо спаивать. Мы знаем, кого в розыск объявить? Может, Белова объявить? Вдруг это не он в машине был?

– Нет, Белова нельзя. Если окажется, что он преставился, то над нами смеяться будут год, пока мы снова не обделаемся так же круто. Нет у нас подозреваемых.

– Плохо. Докладывать нечего. Работайте по Белову. Телефон? Базы? Отпечатки?

Таксист молчал всю дорогу, и это было на руку Климу. Когда машина остановилась на парковке аэропорта, водитель повернулся к пассажиру.

– Триста восемьдесят.

Отец успел научить Клима многим уловкам. И первая была – рассказывай людям ту историю о себе, которую ты хочешь, чтобы они потом рассказали следователю. Поэтому, будучи Стасом, Клим рассказывал одни истории о себе и даже менял голос, говорил чуть басом и значительно медленнее. А когда был сам собой, рассказывал другие истории. И если следователь спросит свидетеля о Стасе и потом спросит о Климе, он получит два рассказа, и ему в голову не придёт, что речь идёт об одном и том же человеке. Стас мог сорить деньгами, но не Клим: Клим – парень экономный.

Он протянул пятьсот рублей, дождался сдачи и вышел из машины.

Здание аэропорта. Клим быстро прошёл контроль на входе и направился к кассам аэрокомпаний. У Клима как часто летающего пассажира была премиальная карта, позволяющая получать дополнительное уважение и дополнительные услуги. Стас не летал самолётами. Стас выходил из тени Клима только во время контактов с клиентами и банкирами по операциям обналаживания. У Стаса не было других документов кроме паспорта. Хорошо, что паспорт был настоящий. Ну как настоящий... Любую проверку паспорт пройдёт. Станислав Александрович Белов, гражданин Казахстана, получил гражданство России установленным образом, не подкупаешься.

Клим подошёл к кассе, протянул платиновую карту VIP-пассажира.

– Что есть ближайшее на Москву?

– Только на завтра. На сегодняшние рейсы билеты проданы.

Клим наклонился к кассе, улыбаясь, заговорил заговорщицким тоном:

– Войдите в моё положение. Если я завтра из командировки вернусь, жена будет к этому готова. Мне обязательно сегодня надо. Я даже наличными плачу, чтобы она не могла через интернет-банк покупку билета отследить.

Кассир взяла в руки платиновую карту VIP-пассажира.

– Какая у вас интересная и насыщенная личная жизнь, молодой человек! Через 10 минут может быть снята спецбронь.

– Когда наши спецслужбы решат, что у них нет дел в столице?

– Угу.

– Я подойду через десять минут. Первый освободившийся билет – мой.

Клим кивнул кассиру. Его взгляд был добрым и приветливым.

Кассир кивнула в ответ.

Он прогулялся по зданию аэропорта. Провожающие, встречающие. Извечная сутолока любого вокзала, будь ты хоть воздушной гаванью города. Клим постоянно попадал в камеры слежения. Если кому-то надо было его отследить, то это было бы сделать очень просто. Большую часть сделок Клим проводил по кредитным картам. А вот Стас предпочитал наличные. Клим подошёл к кассе ровно через десять минут. Посмотрел на кассира, улыбнулся. Кассир кивнула, и Клим протянул паспорт, карту клиента и наличные. Краем глаза Клим увидел быстрое движение в дальней части зала и сфокусировался на нём. Молодая женщина, путаясь в двух чемоданах, быстро пробиралась через толпу встречающих и двигалась по направлению к кассам. Клим повернулся к кассе.

– Появился билетик? Замечательно! Спасибо вам, – поблагодарил Клим кассиршу.

Сзади слышались быстрые шаги.

– Можно мне, – произнесла молодая женщина, отодвигая Клима от кассы.

– А как же я? – спросил он.

– Вы не торопитесь, – решила женщина.

– Вот оно что, – сказал Клим, продолжая стоять, как стоял.

– Молодой человек, вы не поняли? Отодвиньтесь.

– Но я покупаю билет.

– Надеюсь, не последний, – зло сказала женщина.

Кассир не спеша оформила билет, провела оплату, протянула билет и паспорт Климу и поставила табличку «Билетов нет».

– Что значит «Нет»? – воскликнула женщина с двумя чемоданами. И обращаясь к Климу, заявила: – Немедленно сдайте свой билет! Мне сейчас же нужно в Москву! Что вылупился?! Сдавай билет! Смотрит он.

– Посмотрите в свой компьютер, там наверняка есть еще билеты! – теперь уже команда последовала кассиру.

Кассир была опытная, тренированная, выдавшая виды.

– Что вы на меня вылупились?! Смотрите в свой компьютер! Смотрит она. Чего вы стоите?! Сдавайте билет! Вы купили мой билет. Стоит он!

Женщина была растеряна, но это не мешало ей быть и в гневе тоже.

Клим повернулся к кассиру.

– Вера Васильевна, правда, может там из спецбилетов есть еще один, для этой милой девушки. Может, нам удастся сесть рядом, и мы мило пообщаемся, скоротаем полёт до Москвы.

– Точно? Не будет претензий к авиакомпании? – улыбаясь и подмигивая, спросила Вера Васильевна.

- Стопроцентно.
- Давайте ваши документы, – кассир обратилась к молодой женщине.
- Бизнес-класс, – властно сказала она.
- Бизнес-класса нет, в экономе брать последний будете?
- У прохода и подальше от этого хама.

Кассир посмотрела на Клима. Увидела его улыбку, улыбнулась сама и сказала:

- Есть одно место вплотную к молодому человеку. Будете покупать?

– Давайте, – прошипела женщина, зло взглянув на Клима. Тот широко и дружелюбно улыбался.

Женщина купила билет, развернулась, снова запуталась с чемоданами и сумочкой.

Клим посмотрел на кассира.

– Спасибо вам огромное, Вера Васильевна! Мы обязательно напишем благодарность и упомянем лично вас. Скажем вашему руководству, как вы были добры, любезны и профессиональны.

- Постарайтесь не выйти из самолёта до посадки. Хорошего вам полёта, – сказала кассир.

- Хамка! – возмутилась молодая женщина, пытаясь справиться с чемоданами.

- Давайте я вам помогу, – предложил Клим.

– Отвали, деревня, – осадила его женщина и быстро направилась к очереди на регистрацию.

Когда Клим подошёл к той же очереди, между ним и молодой женщиной стояли ещё двое. Клим наблюдал за своей новой знакомой. Она была симпатична или даже красива. Честно говоря, если бы она улыбалась, а не злилась, она была бы чертовски красива. Клим мог представить, как она улыбается, и поэтому видел эту красоту. Очередь продвигалась. Люди взвешивали свои чемоданы, сдавали их в багаж, регистрировались на рейс и проходили на посадку. Самолёт по расписанию должен был вылететь меньше чем через час. Подошла очередь красавицы. Предсказуемо возник скандал и заминка. Клим не всё слышал, но догадаться было не сложно. Девушка хотела весь багаж взять с собой в кабину самолёта, а сотрудник на стойке регистрации говорила, что взять можно только один чемодан и сумку. Красавица говорила, что сюда она летела бизнес-классом и вопросов к багажу не было. А девушка ответила, что сейчас пассажир летит другой авиакомпанией и не бизнес-классом. Подошёл старший, отвёл новую знакомую Клима в сторону, что-то сказал ей и оставил принимать решение. Клим направился к своей новой знакомой. Подошёл, молча взял чемодан за ручку.

- Я помогу вам с багажом, у меня всё равно ничего нет.

Девушка зло посмотрела на своего спасителя. В ней боролись два желания: послать наглеца подальше и полететь, не сдавая чемоданы в багаж. Наконец она решилась. Взяла второй чемодан за ручку и, не оборачиваясь, пошла к стойке регистрации, но в последний момент изменила свои планы и встала в хвост очереди.

Сотрудники на регистрации или не заметили, что чемодан красотки в руках другого пассажира, или, что скорее всего, сделали вид, что не заметили.

Пройдя регистрацию, Клим и его новая знакомая, имени которой он всё ещё не знал, прошли на посадку. В зале ожидания было немногочисленно. Не оборачиваясь на Клима, будучи уверенной, что он никуда не денется с её чемоданом, женщина направилась в кафе. Посмотрела ассортимент и выбрала себе 50 граммов коньяка «Праздничный». Ориентируясь скорее всего на цену. Этот коньяк был самым дорогим. Ничего не спросив, не сказав Климу, она села за столик и не предложила ему присесть рядом. Клим взял себе кофе и без разрешения присел за столик к женщине. Она отвернулась к окну. Через несколько минут объявили посадку, она встала, взяла за ручку свой чемодан и, не обернувшись, пошла на посадку в самолёт.

Клим и девушка зашли в самолёт. По узкому проходу катить чемодан было неудобно. Мешали пассажиры, которые устраивались на своих местах, выставляли в проход свои вещи,

ноги, голову и иные объёмные части тела. Салон Airbus A321 огромный, места Климу и девушке достались лучшие, если не считать бизнес-класса. В середине салона, возле аварийного выхода ряд мест из двух кресел. В этом месте салона есть служебные места для стюардесс, широкий проход и, хоть ты и сидишь в середине самолёта, у тебя премного места для того, чтобы вытянуть ноги. Встать с места и пройти на него можно было, не тревожа других пассажиров своего ряда. Мечта, а не места. Билет у Клима был 19В, его кресло находилось ближе к окну. Место у спутницы 19С – рядом с Климом и у прохода.

– Хотите сесть у окна? – дружелюбно спросил Клим девушку.

– Боюсь летать.

Клим разместил оба чемодана на полке для багажа и начал устраиваться на своём месте. Спутница села на своё. Осмотрелась. Кажется, немного успокоилась.

– Ужас. Два часа лететь без алкоголя. Я не вынесу, – произнесла она и, остановив проходящую стюардессу, спросила у неё: – Скажите, у вас есть алкоголь для пассажиров этого класса? За дополнительную оплату?

– Извините, алкоголь мы предлагаем только пассажирам бизнес-класса, – ответила стюардесса и продолжила заниматься своими делами.

– Чёрт. Чёрт! Чёрт!!!

– Так сильно боитесь летать? – спросил Клим.

– Тебе какое дело?

– Просто я могу снять этот страх, – равнодушно заметил он и отвернулся к окну.

Девушка колебалась.

– Меня зовут Ева. А это правда?

Клим повернулся к Еве и вопросительно взглянул на неё.

– Ну, про страх полётов. Ты правда можешь снять страх полётов? Ты доктор? Психиатр?

– Я не доктор, но могу это сделать, – уверенно сказал Клим.

– А как это происходит? Я должна закрыть глаза или что-то вроде этого? Ничего, что я выпила 50 граммов?

– Ты хочешь, чтобы я помог справиться со страхом полёта?

– Да. И поскорее: я чувствую, как коньяк выветривается и меня сейчас накроет.

– Тебе не об этом сейчас нужно волноваться.

– А о чём?

– Как только я увижу признаки страха, я положу вот эту руку сюда, на внутреннюю поверхность твоего бедра, – спокойно, со знанием дела, сказал Клим и протянул руку к левому бедру Евы, которое прикрывали джинсы. Да что там тех джинсов было – сплошные дырки и потертости, через которые отлично виднелись загорелые и стройные ноги.

– Что?! – закричала Ева, резко сжала бёдра и мгновенно покраснела. В её глазах был неподдельный ужас. – Убери руки!

Она отреагировала так бурно, что некоторые из пассажиров заинтересовались происходящим. Стюардесса повернулась на восклицание и спросила:

– Вам нужна помощь?

Ева на секунду замешкалась:

– Нет.

– Моя девушка немного боится летать, и я предложил ей радикальный способ избавиться от страха, – с улыбкой объяснил Клим.

Ева сидела, крепко сжав ноги. Она положила на колени сумочку, смотрела прямо перед собой и что-то напряжённо обдумывала.

– Я больше не хочу, чтобы ты помогал мне справиться со страхом, – сказала она.

– Контракт на излечение нельзя отменить. До конца этого полёта внутренняя поверхность твоего бедра в моём распоряжении. При любом признаке страха, можешь быть уверена,

я положу руку и сожму бедро. Сильно сожму. Ты не сможешь скрыться от меня даже в туалете. Теперь, когда стюардесса в курсе, она не будет против, чтобы я открыл дверь туалета и убедился, что ты просто писаешь, а не писаешься со страха.

В этот раз Ева отреагировала истерическим смехом. Она смеялась во весь голос, так что, несмотря на запущенные двигатели самолёта, её смех, без сомнения, слышали и в носу самолёта, и в его хвосте. Стюардесса посмотрела на Еву, убедилась, что это только смех. Посмотрела на Клима. Тот пожал плечами и улыбнулся стюардессе. Стюардесса Анастасия вернулась к своим делам. Ева едва смогла остановить смех. Отдышалась. Посмотрела на Клима.

– Шутишь?

– Нет, – серьёзно, как терапевт на первом приёме, сказал Клим.

– Как тебя зовут?

– Клим.

– Ворошилов?

– А-ха-ха, – проговорил по слогам Клим, сохраняя спокойное выражение лица. – Ты уже способна изощрённо шутить? Пошла на поправку?

– Серьёзно?

– Да, пожалуйста – Климент Александрович Гамаза.

– Гамаза? Это фамилия? Что это за фамилия такая дурацкая?

– Гамаза, от арабского слова «хамаз», что означает быть твердым в религии и храбрым на войне.

– Ну и как, твёрдый?

– Потрогаешь ещё.

– Вижу – храбрый. Климент Александрович Хамаза.

– Гамаза. Не коверкай имя человека, который в любой момент может положить руку на внутреннюю поверхность твоего бедра.

– Перестань повторять. У меня там кожа горит, как от крапивы.

Салон самолёта был приготовлен к взлёту. Стюардесса Анастасия села на откидное место напротив Клима и Евы. Посмотрела на странную парочку и отвела глаза. Самолёт начал движение. Ева сжала бёдра.

– Чёрт, – еле слышно произнесла Ева.

– Пора? – спросил её Клим, поднимая левую руку.

– Что-то поломалось, – предположила Ева.

– В смысле?

– Я уже должна была быть или пьяной, или в панике.

– А ты?

– А я могу думать только о том, положишь ты руку на бедро или нет.

– Положу. Можешь не сомневаться.

– А если я не испугаюсь?

– Это – другое. Обсудим?

Ева словно вспомнила что-то из того, о чем хотела спросить раньше:

– Где твои вещи, нищесброд?

– А, налегке путешествую. Пара паспортов, пара кредиток, немного наличных и смартфон. Всё остальное я покупаю на месте по мере необходимости.

Ева не поверила словам Клима и выглядела заинтригованной.

– Просто признай, что сдал свой баул с трусами в багаж.

Самолёт начал разгоняться по взлётной полосе. Пассажиры вдавило в кресла. Ева, преодолевая это давление, развернулась к Климу и ждала ответа.

– Я так живу. У меня нет вещей, мне нечего брать в дорогу. Всё, что мне нужно, покупаю на месте и там же оставляю. Не возить же мне с собой зубную щётку и презервативы!

- Ну, дома же это у тебя есть?
- Зубная щётка?
- И она тоже.
- Конечно. Хочешь – покажу?

Самолёт был в небе, уверенно набирал высоту. Стих звук убирающихся шасси. Но Ева этого не заметила.

- Это что, такой новый тренд? Минимализм?
- Я не могу сказать. Меня так жить научил отец.
- Чему же он научил тебя?
- Он сказал, что у меня не должно быть вещей, чтобы они не держали меня и не диктовали мне, как жить. Вот я этому и научился. У меня нет вещей.
- Нет машины?
- Есть рабочая. Личной нет. Такси, каршеринг. Если понадобится – куплю, но потом, скорее всего, придётся бросить, потому что не будет времени продавать её на Avito.
- У тебя есть деньги на машину?
- Да.
- С собой?
- С собой. Хочешь, чтобы я подарил тебе машину?

Стюардесса, вероятней всего, расслышала часть разговора молодых людей. Снова заинтересовалась ими: они не похожи на друзей, не похожи на супругов, не похожи на любовников. Они познакомились на борту и уже обсуждают подарки в виде машины. Чего только не узнаешь о людях, работая стюардессой! Анастасия отвела глаза, хотя развитие отношений в этой паре её заинтересовало. Прозвучал сигнал, что самолёт набрал высоту и можно перемещаться по салону. Стюардесса встала, сложила служебное кресло и вернулась к своим делам.

– У меня есть машина. Я хочу понять: ты меня разыгрываешь или правда так живёшь? Покажи часы!

- Я время на телефоне смотрю.
- Дома есть мебель?
- Самая необходимая. Люблю пространство и воздух.
- Посуда?
- Самая простая. И только необходимая на каждый день.
- Книги?
- В телефоне.
- Фотографии?
- В телефоне.
- Фотография любимой в бумажнике?
- Бывшей любимой. В телефоне.
- Не выдержала твоей жадности?
- Погибла в результате несчастного случая.

Ева внимательно посмотрела на Клима:

- Ты в Москву по делам?
- Да, нужно кое-какие справки получить. Отчёт проверить. С партнёрами встретиться.
- У тебя бизнес?
- Логистика, перевозки, командировки, вот это вот всё.
- Понятно. А у меня салон красоты.
- Мужчин обслуживаете?
- Приходи, обслужим. Кстати, спасибо, что помог с билетом и чемоданом. Я забыла тебя поблагодарить. Ты вообще какой-то странный.
- В смысле?

– Все мужчины меня боятся и убегают. Даже муж. А ты не боишься. Почему?
– Не знаю. Когда тебя увидел, сразу понял, что ты не такая, какой кажешься.
– И какая же?
– Сейчас думаю, что ты нежная, но ранимая. Отсюда яд, шипы и панцирь.
– Ещё и психолог?
– Нет, отец научил в людях разбираться.
– Хороший отец. Познакомишь? Я спрошу, не он ли научил тебя, как у девушек страх полёта снимать одним движением.

Её ноги уже давно были расслаблены.

Клим и Ева ещё поболтали о разных пустяках. О школе и обучении. О книгах и фильмах. Нашли много совпадающих интересов. Потом Ева немного поспала. Во сне её голова легла на плечо Климa. А потом самолёт пошёл на посадку. Проснувшись, Ева взяла номер телефона у Климa, свой не дала, пообещала вскоре позвонить. Перед тем как выйти в зал прилёта, она взяла второй чемодан у Климa, коснувшись его руки. Он был уверен, что это не случайное касание.

– Дальше я одна. До созвона, Климент Александрович.

– Хорошо.

Клим отстал на несколько шагов и видел, как Еву встречал мужчина с букетом в руках. Не меньше 15 белых роз.

Из аэропорта Клим поехал на такси. Улица Лесная, дом 9. Выйдя из такси и осмотревшись, Клим направился в сторону Белорусского вокзала, затем внезапно свернул направо, между зданий. Клим не заметил ничего подозрительного и, ещё раз осмотревшись, зашёл в кафе “Steak”.

Здесь было шумно, играла музыка. Клим прошёл вглубь кафе. Увидел свободный столик, сел так, чтобы видеть входную дверь. Через несколько минут к столику подошла официант Софья и протянула меню.

– Первый раз у нас? – доброжелательно улыбаясь, спросила Софья.

– Да, первый, – соврал Клим.

– Хотите выпить?

– Поужинать.

– Обедали?

– Нет, но завтракал.

Софья улыбнулась:

– Тогда рекомендую вам суп из говядины. Свиные рёбрышки очень вкусные. На десерт – чай с шоколадным тартom. Ну, и сто граммов чего покрепче для аппетита и чтобы снять стресс.

– Что, так заметно? – поинтересовался Клим.

– Это если только кто-то будет внимательно смотреть и пытаться понять, что у вас на душе.

– Софья, вам-то зачем понимать, что у меня на душе? – искренне спросил Клим.

– А от этого зависят мои чаевые, – улыбаясь, ответила она. – Что будете заказывать?

– Так вы лучше меня знаете, что мне надо. Несите всё.

Софья легко развернулась на одной ноге и быстрым шагом направилась к компьютеру. Там легкими движениями тонких пальчиков меньше чем за минуту ввела заказ, повернулась к Климу, показала ему большой палец: мол, всё нормально, и направилась к другим посетителям кафе.

Клим взял салфетку. Оторвал две полоски. Скрутил из них жгутики. Сложил два жгутика – получился «Плюс». Взял один из жгутиков со стола, разорвал его пополам. И сложил могильный крест. Клим смотрел на могильный крест из салфеток и не заметил, как подошла Софья с приборами. Она на секунду задержалась у стола, увидев крест.

– Всё настолько плохо? – участливо спросила Софья.

Клим поднял на неё взгляд, и ей на секунду показалось, что она видит в глазах молодого, красивого и сильного мужчины слёзы.

– Будет ещё хуже, если я ничего не сделаю.

Софья покачала головой, словно понимала, о чём идёт речь. Положила приборы на стол.

– Суп будет через десять минут.

– Софья, пусть будет двойная порция чего покрепче – лучше простая водка. И принесите листок и ручку. Пожалуйста.

Софья достала из фартука блокнот и ручку. Вырвала страницу и положила на стол.

– Такого листочка хватит?

– Спасибо, – поблагодарил Клим, подвигая бумагу ближе.

Софья отошла от стола и уже не видела, как на листке, у правого края, Клим нарисовал могильный холмик с крестом и внизу написал «Банкир». Левее холмика Клим нарисовал руку, сжимающую пистолет. Ниже пистолета Клим написал: «Клим». В этот раз он заметил приближение Софьи и перевернул листок рисунком вниз.

– Ваше лекарство, – сказала Софья и поставила запотевший графинчик водки на стол. А рядом – стопку, покрытую слоем льда. – Из личных запасов шеф-повара.

Затем на столе появилось блюдо, на котором лежали два солёных огурчика и солёный белый гриб. Клим кивнул и налил себе первые 30 граммов. Выпил, не закусывая. Перевернул листок. Посмотрел вслед уходящей Софье. На листке, между человеком, который держит пистолет и могильным холмиком нарисовал кровать. От кровати к могильному холмику прочертил стрелку.

Налил водки до краёв. Молча и не закусывая, выпил. Вернулся к рисунку. Над рисунком человека с пистолетом, целившегося в кровать, нарисовал фигурку человека в очках. Банкир носил очки. Они ему не были прописаны окулистом, они ему были прописаны стилистом. Отец говорил, что нельзя верить человеку, который заботится не о сути вещей, а о видимости. Клим не всегда понимал отца. В таких случаях он говорил: «Просто запомнишь, поймёшь потом. Волей-неволей».

Рядом с очкариком Клим изобразил женскую фигурку. Протянул стрелку от женской фигурки к кровати. Над женской фигуркой поставил знак вопроса. Ниже кровати нарисовал домик. Написал: «Дом в степи». Нарисовал стрелку от домика к кровати.

К столику Клим спешила Софья: в руках у неё была дымящаяся тарелка супа. Клим взял ложку и с аппетитом принялся за еду. Софья улыбнулась, кивнула какой-то своей мысли и повернулась к соседнему столику.

За супом последовали свиные рёбрышки и шоколадный тарт. Клим посмотрел на экран телефона. Два пропущенных звонка с неизвестного номера. Время – 23:32. До закрытия кафе оставалось менее получаса, Клим рассчитался за ужин, оставил чаевые, попрощался и вышел.

– Когда вас ждать снова? – заботливо спросила Софья.

– Как только проголодаюсь.

– Обманщик, – улыбаясь, заключила она.

Клим вышел из кафе, но, когда шёл к выходу, в зеркало видел, что Софья смотрит ему вслед. Через 28 минут кафе закрылось. Ещё через двадцать минут стали выходить сотрудники. Софья вышла вместе с двумя официантками. Выйдя на улицу, она посмотрела по сторонам, будто ища кого-то взглядом. Прислонившись к ограде, прямо напротив кафе стоял Клим. Софья на секунду засомневалась и сделала четыре шага к нему. Она прошла свою половину пути и остановилась. Клим и Софью разделили полтора-два метра безлюдного пространства.

– Мне некуда идти, – спокойно сказал Клим. Его отчётливо слышала Софья, но её коллеги, ожидавшие у входа, не могли расслышать его слов.

– Маньяк? – серьёзно спросила Софья.

– Ну что ты. Ты же видишь.

Софья взяла Клим под руку, и они пошли в другую сторону от группы сотрудников. Софья даже не обернулась к ним, не попрощалась, ничего не стала объяснять.

– У меня есть деньги на такси, – сказал Клим.

– С этого надо было начинать.

Они быстро доехали по ночной Москве до адреса, который назвала Софья. Молодые люди вышли из машины и направились вдоль домов. Клим шёл туда, куда его вела Софья. Они прошли закрытый на ночь магазин посуды. Прошли магазин золотых украшений. Прошли мимо закрытого кафе. Прошли мимо круглосуточной аптеки. И Софья остановилась.

– Я тебя вот здесь подожду, – произнесла она, глядя на вывеску аптеки.

Клим зашёл в аптеку и быстро вернулся. Софья взяла его под руку, развернула, и они снова молча прошли до того места, где вышли из такси. Софья свернула во двор дома, подошла к двери подъезда, набрала код. Начала подниматься по лестнице, Клим последовал за ней. Третий этаж. Софья достала связку ключей и открыла дверь квартиры номер 54. И всё это молча.

– Дома есть кто? – тихо спросил Клим.

– Волнуешься?

– Есть немного, с непривычки.

Софья взяла Клима за руку и затянула в квартиру. Она включила свет, покопалась в тумбочке и положила на пол перед Климом женские домашние тапочки:

– Других нет.

Клим надел сиреневые тапочки с помпонами и двинулся по коридору. В квартире был бардак, а по представлениям Клима – полный бардак. Перед Климом юркала Софья и убирала бельё, одежду, журналы, косметику и всё, на что смотрел Клим.

– Экспресс-уборка закончена, – отчиталась она. – Хотя уверена: у тебя в квартире сейчас ничем не лучше.

Клим широко улыбнулся: «Угадала».

Софья сняла кофточку, демонстративно швырнула её на пол. Шагнула к Климу, положила руки на плечи:

– Голодный?

– Ужасно голод...

Жаркий поцелуй не дал Климу договорить. Софья шагнула назад, потянула Клима на себя. Клим не сопротивлялся. Не разжимая объятий, они упали на кровать.

21 мая 2017 года, воскресенье

А потом зазвонил старомодный механический будильник на прикроватной тумбочке. Софья открыла глаза. Потянулась. Посмотрела на проснувшегося Клим.

– Мне на работу. Какие у тебя планы? – спросила она немного хриплым после сна голосом.

– Есть пара дел в Москве.

– Ты говорил, что у тебя бизнес.

– Небольшой.

– У меня завтра выходные начинаются. Три дня! Если хочешь, сегодня вечером приходи к закрытию в кафе, поужинаешь, и поедем домой. Я видишь, работаю до ночи, дома еды нет. Придешь?

– Если дела не помешают – приду к ужину. Если помешают, то приду, как с делами закончу, – сказал Клим и поцеловал Софью так, что та застонала.

– Нет-нет-нет! Времени у меня, только чтобы умыться и улететь на работу в режиме ракеты.

Клим опять поцеловал ее. Не так крепко. Софья снова застонала. Оторвалась от поцелуя и, продолжая забавно то ли постанывать, то ли подвывать, убежала в ванную...

Клим и Софья вышли из подъезда вместе.

– Какой день замечательный! – воскликнула Софья.

Она стояла, задрав голову к голубому небу. Постояв так пару секунд, Софья выпрямилась, посмотрела на Клим.

– Я – дисциплинированный и ответственный работник. Я прихожу на работу без опозданий и предоставляю нашим гостям премиальный сервис, – сказала Софья чью-то фразу чьим-то голосом. – Я в метро.

– Пошли вместе, я провожу тебя.

Софья взяла Клим за руку, и они быстро пошли к станции метро. На эскалаторе, а затем в вагоне метро Софья молча смотрела на Клим и, пользуясь случаем, стояла к нему настолько вплотную, насколько это возможно в одежде. В одежде встать ещё плотнее было нельзя. Левая нога Софьи была между ног Клим. Покачивающийся вагон метро с его торможениями и ускорениями создавал забавное трение ног. Софья молчала всю дорогу, не отводила глаз от Клим и, очевидно, о чём-то напряжённо думала.

– Следующая станция – «Белорусская», – прозвучало из динамика.

– Моя, – беззвучно, одними губами, произнесла Софья.

Клим наклонился к самому уху Софьи и, касаясь его, сказал:

– Я провожу тебя до кафе.

Софья внимательно посмотрела на него, развернулась к нему спиной, лицом к двери вагона и снова прижалась всем телом к Климу. Они вышли вместе с толпой других пассажиров на перрон станции «Белорусская», потом их вынесло на улицу, снова в свежее весеннее утро. Софья повернулась к Климу, поправила его волосы.

– Не провожай. Если не придешь вечером, мне ничего не надо будет объяснять любопытным коллегам.

– А если приду?

– Придется объяснять. Но объяснять то, что ты пришёл, проще, чем объяснять то, почему ты не пришёл.

Софья посмотрела ещё раз, словно запоминая черты лица Клим.

– Если придешь, я с тобой сфоткаюсь.

Софья развернулась и поспешила к кафе. Клим смотрел ей вслед, пока она не скрылась из виду. Софья не обернулась. И кажется, этим удивила Клим. Едва заметно он пожал плечами и пошёл в ту же сторону, куда ушла Софья, но через сотню метров перешёл на другую сторону улицы, повернул налево. Любой, кто сейчас посмотрел бы на Клим, сказал, что молодой человек идёт хорошо известной дорогой, не смотрит по сторонам, потому что видел всё уже много раз.

Меньше чем за пять минут Клим прошёл через калитку ограды многоэтажного дома, набрав известный ему код одним движением. Не осматриваясь, привычно и уверенно пересёк территорию двора, небольшую парковку на десяток машин, детскую и спортивные площадки. Вошёл в единственный подъезд. Приветливо поздоровался с консьержкой.

– Анна Мироновна, добрый день! Как ваши дела, всё хорошо? Как Коленька?

– Спасибо, Климент Александрович. Все мои доктора и психологи, в один голос, рекомендуют отвечать: всё отлично. Но вы же знаете. Ваша почта в квартире на тумбочке. Вы откуда теперь прилетели?

– Государственная тайна, Анна Мироновна. Скажу вам, потом придётся убирать свидетелей. Так оно нам надо?

– Ой нет! У меня запись, завтра иду к профессору на приём. Решила сердце проверить.

– Тогда уже послезавтра и расскажу.

Клим пешком поднялся на третий этаж. Подошёл к квартире номер 11 и тем же ключом, что и в Саратове, открыл дверь московской квартиры.

Он снял одежду, положил её в мешок в ванной. Принял душ. Вышел обёрнутый полотенцем. Взял почту. Посмотрел. Выбрал одно письмо. Вскрыл его. Посмотрел бесплатные газеты. Часть почты положил в другой пакет, который стоял в шкафу прихожей.

Включил ноутбук. Запустил тор-браузер. Зашел на поисковик. Ввёл фамилию банкира. Почитал материалы, которые описывали работу банкира: Пётр Сергеевич Ершов. Ввел фамилию арестованного генерала, на квартире которого нашли самосвал наличных денег. Ввёл данные Стаса. Ввёл данные Платона. Ввёл данные Елизаветы. Материалов про взрыв было мало. Взорвался автомобиль, идёт следствие. Елизаветы и Платона, похоже, никто не хватился. Клим никто не ищет. Пока никто не ищет.

Из ящика стола Клим достал лист бумаги. С правой стороны нарисовал могильный холмик. Крест. Написал: «Банкир».

Нарисовал кровать и в кровати любовников. Нарисовал мужчину, который из пистолета стреляет в любовников. Левее любовников нарисовал здание и написал: «Отель “Дом в степи”». Обвёл любовников на кровати рамкой. Возле изображения женщины написал: «Ева». Подумал, поставил знак «/» и написал: «Софья».

Встал, подошёл к окну. Как узнать, где сейчас банкир, что знает и что думает о совершенном убийстве? Клим ничуть не интересовало раскаяние или чувство вины банкира. Даже если бы Клим узнал, что банкир сожалеет и убивается, то это не изменило бы его решение отомстить. Банкир был обречён, и ничто не сможет помешать Климу. Но знание текущего состояния банкира дало бы Климу больше информации для разработки плана.

Банкир падох до бледных хрупких девушек с тёмными волосами. Может быть, он и смог бы устоять, но ему надо сделать над собой усилие. Клим узнал о страсти банкира случайно. В начале их сотрудничества у банкира работала секретарём Оля. Вот именно такая. Бледная. Хрупкая. Тёмненькая. Клим ради развлечения стал с Олей заигрывать, каждый раз, как приходил к банкиру по делам. Да что там заигрывать. То комплимент скажет, то пошутит, то шоколадку принесёт. Эка невидаль! Все, кто приходят в приёмную, говорят комплименты, шутят и дарят шоколад. Но на знаки внимания Клим в какой-то момент Ольга стала реагировать по-особенному.

В тот день Оля вышла из-за стола, подошла к Климу, поздоровалась с ним за руку и не торопилась руку отпускать. Она что-то говорила, пустяки какие-то, что давно его не было, что она соскучилась, что он стал забывать их банк и, может быть, у него с другим банком есть что-то. Ну вот примерно такой разговор. С одной стороны – ни о чём, но с другой – полный

тонких намёков. Ольга сделала шаг назад и, не отпуская руки Клима, потянула его к себе. Клим шагнул. В приёмной они были одни. Но Клим зал, что в приёмной есть камеры наблюдения. Собственно говоря, про камеры знали все, кто не ленился поднять глаза и посмотреть под потолок. Подумав о камерах наблюдения, Клим невольно на них глянул.

– Второй день не работают, – заметив его взгляд, сказала Ольга.

– А шеф?

Ольга вздохнула с заметным сожалением:

– Да что ему сделается? Работает, как жеребец. На таблетках, наверное.

Клим, конечно, удивился бы такой откровенности Ольги, если бы не произошло другое событие, после которого ему было уже не до удивления. На словах «Жеребец. На таблетках, наверное» открылась дверь кабинета, и в приёмную вышел банкир. Судя по его разгневанному лицу, он услышал последние слова Ольги. Мгновенно оценив сцену, банкир кивнул Климу: заходи в кабинет, есть о чём поговорить. Потом, гневно посмотрев на секретаря, развернулся и пошёл в глубь своего кабинета.

Клим посмотрел на Ольгу, она была готова расплакаться.

– Всё будет хорошо, – успокоил её Клим и наконец забрал свою руку из рук Ольги.

Клим вошёл кабинет и плотно закрыл дверь. Банкир уже был за своим столом и грязно ругался в адрес секретаря, обещая ей панель и нищету.

– Не думал я, что банкиры такие эмоциональные.

– Ты ещё! Молчи лучше, пока я и тебя не отправил к чертям собачим. Эмоциональные! Ничего не эмоциональные! Знаешь, что я для неё сделал?

– Пётр Сергеевич, ну сам посмотри на себя: чего ты так распалился? Мне говорили, что банкиры все такие холодные, трезвые, расчётливые. А ты – чистый порох! Динамит! Готов всех взорвать. Знаешь хоть, про что разговор был?

– Знаю, не маленький. Ничего я не вспыльчивый. Устал просто. Знаешь, какие дела приходится решать? Не чета твоим! И нулей побольше, и люди повыше. И ошибиться нельзя.

– Понимаю.

– Да чё ты понимаешь?!

И банкир, желая доказать, что вопросы, которые он решает, наиважнейшие, вдруг стал рассказывать такое, что Клим понял: живым ему из банка не выйти. Потому что, если людям такое рассказывают открытым текстом, значит, людям жить чуть-чуть осталось. Клим узнал такое, чего знать не хотел и не планировал: о людях, на которых держится вся система.

Банкир во время своего запальчивого хвастовства постепенно успокаивался и стал понимать, что наговорил лишнего. И теперь с Климом, которого он считал Стасом, надо что-то делать. Или убивать, или резко приближать. Момент, что обратно дороги нет, они поняли оба одновременно. В кабинете возникла невыносимая тишина. Клим понял, что в этой тишине решается его судьба.

– Стас, понимаешь, для чего я тебе всё это рассказываю? – обратился к нему успокоившийся и принявший решение банкир.

– Надеюсь, хотите предложить перейти на следующий уровень отношений, – спокойно сказал Клим.

Если банкир решил убить Стаса, то вот ему хоть одна зацепка, чтобы передумать. Если банкир решил, что теперь без вариантов – надо парня приближать, то вот ему правильные слова. Вдруг они банкиру сами на ум не пришли.

– Верно! Большие дела нас с тобой ждут, а ты с чужими секретарями обнимаешься.

Похоже, только теперь банкир принял решение, как поступить с парнем. Ну и правда: Стас уже давно в деле, за него попросили серьёзные люди. Занимается обналачиванием, дело поставил хорошо. Не наглеет. Кому нужно – докладывает. Чего ему на месте сидеть, пусть

начинает работать, да вот хоть с генералом Фёдоровым для начала, а там посмотрим, подумал банкир и подытожил.

– А Олю, если она тебе так понравилась, забирай себе – не жалко. Мне типаж нравится, а характер, если честно, у неё дрянь. Потом сам скажешь.

– Пётр Сергеевич, спасибо за доверие, я и сам уже рвался к делам поважнее. Сделаю всё в наилучшем виде. А с Ольгой мы за руку впервые сегодня поздоровались, и я кроме как в вашей приёмной нигде не виделся с ней и не планировал.

– Ну давай, иди, работай! Нечего время на пустые разговоры тратить.

Клим попрощался с банкиром, пожал ему руку и вышел из кабинета в приёмную. Ольга говорила по телефону и внешне была совершенно спокойна, будто ничего не случилось.

«Крепкая девочка, – подумал Клим. – А я вот только что второй раз родился».

Пётр Сергеевич Ершов уволил Ольгу через неделю под совершенно другим предлогом, за сорванное совещание. Он обвинил Ольгу в срыве выполнения плана продаж: она, якобы, не назначила совещание и не выполнила его поручение. Хотя оба – и банкир, и Ольга – знали, что поручения не было. Ольга получила хорошие рекомендации и компенсацию за досрочное расторжение контракта. И вскоре Ольгу сменила Леночка, такая же бледная, хрупкая и такая же темноволосая...

Клим прошёлся по квартире. Не могло ли быть так, что банкир затаил решение избавиться от Стаса ещё тогда, когда наговорил при нём лишнего? Вполне в его духе. Получается, что тогда Клим не отменил смертный приговор, а лишь смог отсрочить. Все последующие встречи банкир был подчёркнуто рационален и расчётлив, будто хотел доказать Стасу, что он настоящий банкир, и совсем он не такой эмоциональный, как про него подумал Стас.

Клим пожалел, что позволил создаться таким отношениям, когда банкир перед ним должен что-то доказывать. Теперь понятно, что такие отношения были обречены на разрыв. Если банкир чувствовал, что не может доказать, то это должно было его злить при каждой встрече со Стасом. Если банкир считал, что он доказал, то это должно было довести его до ярости. Кто он и кто – Стас? И почему он, находясь на своём месте, что-то доказывает этому ничтожеству Стасу! Напрасно Клим позволил сложиться таким отношениям. И надо же, на пустом месте, за пять-десять секунд всё решилось.

Теперь Клим отчётливо понимал, что банкир обидчив и мстителен. Он имел план покончить со Стасом и только дождался подходящего повода. Господи, до чего может довести страсть к тёмненьким!

Зазвонил телефон. Неизвестный номер. Клим подошёл к столу, взял телефон, нажал кнопку ответа, поднёс телефон к уху. Молча слушал.

– Я не спала сегодня.

Знакомый голос Евы.

Клим молчал. Подвинул листок с рисунком, взял ручку, вычеркнул имя «Софья».

– Что случилось?

– Я не поблагодарила тебя.

– Поблагодарила, мне этого достаточно.

– Мне недостаточно.

Ева уже начинала злиться непонятливости Клим.

– Хорошо, что ты хочешь?

– Где ты сейчас? С кем? – спросила Ева требовательно.

– Проснулся в хостеле. Умылся. Позавтракал. Вот, думаю, чем заняться.

– Где ты?

– В центре.

– Далеко от «Чёрного неба»?

– Это гостиница?

- Да.
- Минут двадцать-тридцать на такси.
- Я тебя здесь, в ресторане, жду.

Ева отключилась. Клим обвёл её имя на листке. Встал, подошёл к шкафу, открыл. Аккуратный ряд однотипной одежды на вешалках. Выбрал футболку, чёрные джинсы с полки. Открыл сейф. Достал пистолет Макарова, обойму. Посмотрел на патроны. Передёрнул затвор. Спустил курок, поставил на предохранитель, вставил обойму на место. Протёр пистолет ветошью. Положил в сейф. Проверил, сколько у него денег с собой. Кошелёк, кредитка, «Тройка», телефон. Клим убедился, что ничего не забыл, и вышел из квартиры. Проверил, закрылся ли замок.

Первые сутки многое решают в раскрытии уголовного дела. Всё, что сделано и найдено по горячим следам, имеет огромное значение. Через день свидетели что-то забудут. Дождь смоет следы. Ветер отнесёт улики в сторону. Кто-то уедет. Кто-то умрёт. Всё, что можно сделать в первые сутки, надо делать в первые сутки. Всё, что можно сделать в первый час, надо делать в первый час.

В тесный кабинет Романовой набились члены следственной группы. Романова торопится и нервничает. На неё давят. Она, нарушая традиции, снова пригласила оперативников к себе на совещание, чтобы получить максимум информации и настроить группу на активную работу.

– Прошли сутки. Вы работаете или в Интернете подозреваемых ищите?! – начала совещание Романова.

– Поквартирный обход ничего не дал. Никто не знает Белова Станислава Александровича, – отчитался Зубков.

– Вы всё обошли? Тщательно?

– Весь ли Саратов – вы хотите знать? Мы обошли частный сектор. Мы опросили продуктовые магазины. Мы опросили ближайшие многоэтажки.

– И что? – Романова нахмурилась.

– И ничего.

– Продолжайте! Не может быть, чтобы никто не знал его хотя бы в лицо. Значит, не дошли до того дома, где он живёт. Фотографию же должны опознать. Какую фотографию вы предъявляли?

– Из паспорта.

– Хорошо. Что ещё по Белова известно? Что ваши источники?

– Источники молчат. Мы подключили связистов, и довольно странно выходит, – начал Зубков.

– Что там у вас? – вскинула брови Романова.

– Телефон Белова работает.

– Как это – работает? – удивилась Романова.

– На него можно позвонить.

– Ну так позвоните.

– Набираем. Не снимает трубку.

– Вы расположение телефона определили?

– Там вышки так неудачно стоят, что сектор возможного местонахождения телефона – целый дом на Чернышевского. Рядом с той самой стоянкой, на которой двое садились в машину Белова. Может, Белов выронил телефон по дороге к машине? Может, ещё что. Может, он

каким-то образом вылетел из взорвавшейся машины и уцелел. Не знаю, в портфеле, например. Или он его на обочину выкинул до взрыва.

Романова нашла глазами эксперта Пыталова:

– Валерий Григорьевич, может мобильник уцелеть, если он в момент взрыва был в машине?

– Исключено. В машине он бы испарился: так же, как испарились тела погибших. Температура...

– Всё, достаточно, потом лекцию дочитаете. – Романова повернулась к Зубкову: – Что вы сделали для поиска мобильного телефона? Вы понимаете, как важно найти его до того, как найдёт какой-нибудь пацан? Мобильник не перемещается?

– Нет, из той ячейки, в которой зарегистрирован сотовый сетью, он не выходил с вечера 19 мая.

– То есть потерпевший пришёл домой 19 мая, поспал, утром вышел из дома и забыл телефон. Такое возможно?

– Ну, наверное. Каждый хоть раз забывал телефон дома.

– Насколько вероятно, чтобы это произошло в день покушения? – не выдержал стажёр, и все посмотрели на него.

– Мы пока не знаем, было ли это покушением. Так что со словами аккуратнее обращайтесь, молодой человек, если хотите стать специалистом, – поправила его Романова.

– Так. Первым делом давайте найдём телефон Белова, – сказала она. – Зубков, в чём дело?

– У нас мало времени: телефон в любой момент может разрядиться.

– Ну так вперёд, найдите его!

Присутствующие начали вставать и собираться.

– Зубков, Пыталов, на минутку задержитесь, – сказал Романова. – Давайте по нашим вопросам пройдемся. Погибший – Белов Станислав Александрович. Что мы про него знаем?

– Вероятно, занимался незаконным обналичиванием: фирмы-однодневки, уход от налогов. Похоже, у него были связи в криминальном мире. Про него так мало известно, что, вероятнее всего, парень намеренно шифровался. Нет его в соцсетях, никаких следов. Даже в рестораны не ходил. Кредиток нет. Продолжаю искать по своим контактам, потому что в базах про него ничего нет. Родился в Казахстане. Приехал в Россию, получил гражданство. Три года назад. Был прописан в Москве. Запрос мы сделали. Сейчас прописан в Саратове по подставному адресу. Там ещё сотня «племянников» у тётушки Зины прописаны. За деньги, конечно. Мы с этой Зинаидой Ильиничной уже несколько лет проблемы имеем. Из документов у Станислава Александровича больше ничего нет. Нет ИНН. Нет пенсионного. Нет медицинской страховки. То есть он, вероятно, криминальный персонаж. Может быть, не тот, за кого себя выдавал. Но паспорт настоящий, выдан, как положено. Хотя данные по его казахстанскому прошлому пока отсутствуют.

– Запрос отправили?

– Отправили.

– Так, по потерпевшему работаем тщательно. Что дальше? Какие у нас есть вопросы?

– Кто был заинтересован в убийстве Белова? Кто конкретно взорвал? Почему взрыв был такой мощности? Кто был в машине с Беловым? Случайная жертва или нет? Была ли женщина у Белова? У нас миллион вопросов и ни одного ответа.

– Было бы хуже, если бы у нас не было бы ни одного вопроса..., – вставил Пыталов.

– Валерий Григорьевич, не нужно философии. Лучше скажите, что точно известно по взрывчатке?

– Экспертиза пока не пришла, очень непонятно. Во-первых, это не обычный динамит. Может быть, не только динамит. После взрыва начался сильный пожар. Во-вторых, очень большой заряд, может быть, эквивалент 800 граммов. Этого количества взрывчатки хватило бы на

четыре взрыва, это слишком много для решения задачи. По какой-то причине исполнители решили не жадничать. Или кому-то подавали знак, что у них много взрывчатки. Не знаю, что тут не так. И нам невероятно повезло, что нет других жертв. Страшно подумать...

– Не надо думать. Поторопите экспертизу. Как взорвали?

– Взрыватель не был обнаружен. Но при таком заряде исполнитель должен был находиться в укрытии. Надежнее всего был бы радиоканал. Я бы так и сделал.

– Что значит: «Я бы так и сделал»?

– На месте предполагаемого преступника, чтобы минимизировать риски..., – начал Пыталов.

– Соберитесь, давайте мне факты. Идите, – оборвала его Романова.

Оперативники вышли из кабинета Романовой. Через 30 минут они собрались в своём кабинете, «на базе». Расположились, включили чайник.

– Что думаете про этого Белова? – спросил Зубков, старший из присутствующих и самый опытный.

– Мне кажется..., – начал было стажёр Павел, но Зубков остановил его жестом.

– Белов – уголовный элемент. Обналичивание. Наверняка с группой лиц. Не удивлюсь, если он ещё и организатор. Нужны его контакты с банками. С какими он работал? Это мы быстро из налоговой получим. Встречаемся с банкирами. Смотрим, кто с ним связан. Вот среди банкиров может быть или прямой заказчик, или сильно заинтересованное лицо в испарении Белова. Представляешь такой взрыв, что не можем найти фрагмент для ДНК-анализа? Был человек и весь испарился. Фрагменты пассажирки нашли. Что толку? Мы и так знали, что она женщина.

Пыталов замолчал.

– Юра! – Зубков повернулся к оперативнику Кулешову. – Займись налоговой и банками. Поговори с ребятами из ОБЭП.

– Сергей Иванович, сегодня воскресенье, – напомнил Кулешов.

– Ты попробуй, хорошо? Хорошо попробуй.

– Есть.

– Рома, ты со стажёром на место. Ищем. Должен кто-то знать Белова. Кто-то видел его рядом с машиной. Ходите по стоянкам и парковкам в округе. Спрашивайте про машину. Автолюбители могут не по фотографии вспомнить, а по машине. Кому-то он точно или помог, или помешал. На бутылку спорю. Не могут другие автолюбители не знать. У нас во дворе все парковочные места расписаны и распределены. Не дай бог, кто встанет не на своё место, – всё, война и Ледовое побоище. Сколько раз до скандала доходило. Быть не может, чтобы он ни на кого не наехал или чтобы к нему не было претензий. Тут ищите. Соседи могут друг друга и не видеть.

– А камеры наблюдения? Будем изучать? – уточнил Роман Пятибратов, ещё один оперативник группы.

– Записи с камер мы посмотрели. Все до единой стоят так, что место взрыва осталось за кадром. Не думаю, что исполнители постарались или знали. Просто повезло. Владельцы камер говорят, что направляли камеры на свои объекты. Ни стоянка эта стихийная, ни дорога никого не интересовали. Был бы там пешеходный период, так и с этим не повезло, – сказал Зубков, задумался и добавил: – Или наоборот – повезло.

Зубков допил чай, встал, поставил бокал на стол.

– Всё, ищем информацию по Белову. Всё, что нароем. Лишним не будет. Спрашивайте свои источники. Всегда есть свидетели и улики. Давайте их найдём.

Такси остановилось напротив гостиницы «Чёрное небо». Таксист ничего не сказал, не обернулся, но по тому, как таксист сидел, было понятно: он свою работу выполнил.

– Приехали? – спросил Клим.

– Да, вот она.

– А ближе не подъехать?

От места, где остановилась машина, до входа в гостиницу было добрых двести метров.

– У них там шлагбаум, они не пропускают просто так, – спокойно сказал таксист.

– У меня по карте оплата, – сказал Клим, открывая дверь машины. Водитель кивнул, соглашаясь: да-да, знаю.

Клим вошёл в гостиницу, и ему показалось, что он на вокзале. Десятки людей с чемоданами и баулами. Кто-то идёт направо. Кто-то налево. Такая круговерть! Клим потребовалось несколько секунд, чтобы сориентироваться. Наконец он увидел вывеску «Ресторан». Проходя мимо охранника, Клим, показывая на вывеску ресторана, уточнил: «Он один у вас?»

– Еще один на седьмом этаже. Бар и пивной ресторан в подвале. Лобби-бар за стойкой.

– Спасибо, – сказал Клим и подумал: «Лучше бы не спрашивал».

Он решил начать с ресторана, который был перед ним. На входе в ресторан симпатичная хостес встала на дороге и спросила: «Вас ожидают?»

– Очень может быть, – доброжелательно ответил Клим.

И тут через весь зал ресторана прозвучало: «КЛИ-И-И-ИМ!» Все обернулись к девушке, сидящей у окна.

– Меня ожидают.

– Извините, но вашей знакомой не надо больше шампанского. Скажите ей, пожалуйста. Нас она не слушает и ведёт себя... Не очень хорошо. Успокойте её, пожалуйста.

– Сейчас всё сделаю, – сказал Клим, и хостес улыбнулась ему с благодарностью.

Клим шёл к столику, за которым сидела Ева, под осуждающие взгляды всех присутствующих в ресторане. А сама Ева сидела за столом, развернувшись от стола к Климу, широко расставив ноги, и манила его пальчиком.

– Ты не спешил?

– Да как не спешил, взял ракету и летел на ракете, – ответил Клим, широко улыбаясь Еве и всем присутствующим.

– Я устала тебя ждать. Я – пьяная.

– Пойдём куда-нибудь.

– Что ты собираешься со мной делать?

– Сейчас с тобой можно сделать только одно.

– Ты хочешь со мной спать? А у меня ты спросил?

Взгляд у Евы был какой-то странный. Клим видел пьяных людей. Видел наркоманов. Но ему показалось, что это что-то ещё. Впечатление было, что в промежутках между словами, которые она выкрикивала на весь ресторан, она с кем-то спорила внутри себя.

– Заткнись, тварь, – внезапно сказала Ева. Впрочем, Клим понял, что это не относилось к нему или к кому-то из присутствующих. Вроде как Ева это сказала сама себе.

Клим помог Еве подняться с кресла. Подошла официантка.

– Нам нужно оплатить счёт? – Клим обратился к ней.

– Нет, – доброжелательно ответила она. – Ваша знакомая оплатит всё через номер отеля.

В это время Ева бессильно и безмолвно висела на плече Клима. Он сначала хотел спросить что-то у Евы, но увидел её состояние и спросил официантку: «Она проживает в этом отеле?»

– Да, вот её карта гостя. Смотрите, вот ключ. Номер 903. Это люкс на девятом этаже. Вы сможете её проводить до номера? Мы с ней так намучились!

– Да, извините, всё будет хорошо, – сказал Клим, и официантка развернулась и пошла к другим столикам.

Клим прошёл к лифтам. Охранник увидел карту гостя и пропустил. Ева висела на его плече, едва касаясь пола. Чтобы удобнее было нести девушку, Клим развернул Еву к себе, крепко прижал и нёс, сохраняя вертикальное положение девушки. Было бы удобнее закинуть Еву на плечо, но Клим оставил это на тот случай, когда устанет нести её на груди. К счастью, Ева была миниатюрной.

Клим открыл дверь в номер, внёс Еву, которая, кажется, уже спала. Номер был не тронутым. Сумка – на полке для багажа, в остальном номер выглядел идеально подготовленным к заезду гостей. Две комнаты. Гостиная и спальня. На столе в гостиной – огромный букет роз. Это ведь не вчерашние розы? Если Ева вчера со встречавшим мужчиной отправилась сюда, то где-то должны быть её чемоданы. Должны быть признаки присутствия мужчины.

Клим аккуратно положил Еву на постель. Посмотрел в ванной. После уборки горничной никто в ванную не заходил. Клим прошёл в гостиную. Открыл шкафы. Ничего. Значит, Ева сняла этот номер для встречи с Климом, но так волновалась перед встречей, что перебрала с алкоголем, или...

Ева стояла в дверях спальни в черном белье, которое скорее обозначало своё присутствие, чем скрывало интимные места на теле хозяйки. Ева выглядела абсолютно трезвой. Клим застыл с выражением крайнего удивления на лице. Вот это преображение! Ева наслаждалась реакцией.

– Ты притворялась?

– Играла. Ты поверил?

– Я думал, тебе потребуется медицинская или даже психиатрическая помощь.

– Испугался?

– Ну не так чтобы сильно...

– Иди ко мне, мой Климент. Буду звать тебя Климент.

– Пообещай, что в следующий раз предупредишь меня.

– Иди сюда, Климент, – Ева сделала шаг назад вглубь спальни. – Иди ко мне, Климент.

Климу показалось, что Ева нравятся звуки, которые составляют его полное имя. Он снял футболку, повесил на напольную вешалку для пиджака. Ева недовольно скривилась.

– Ты не спешишь? Ты думаешь, что у тебя еще будет время заняться мной, а пока аккуратно повесишь футболку, джинсы и носки?

Клим расстегнул джинсы и шагнул через них в спальню...

На пике ощущений в глазах Евы снова блеснул огонёк безумия. Она так кричала, что Клим молился уже не о том, чтобы она выжила. Он молился, чтобы жильцы не вызвали полицию. Ева разрыдалась. Потом встала, ушла в ванную и там расхохоталась. Или это она снова расплакалась? Клим был в полной растерянности. Справится ли Ева с той ролью, которую он для неё уготовил? Она, конечно, актриса, но Клим не был уверен, что она контролирует свой талант.

Из ванной Ева вышла спокойная и довольная. Она юркнула под одеяло и прижалась к Климу. Минуту они лежали в тишине. Клим уже начал успокаиваться, когда внезапно Еве пришла какая-то мысль, и представление продолжилось.

– Где ты спал эту ночь?

– В хостеле.

– Как называется?

– Не уверен, что у него есть название.

– Адрес?

– Никитская, кажется.

– Большая или Малая?

– Да в чём дело? Тебе очную ставку провести с сотрудниками хостела?

– Мне надо знать, – сказала Ева и внезапно стала обнюхивать Клим.

Натурально так обнюхивать. Ева шумно вдыхала воздух у лица Клим, обнюхала шею, волосы, грудь. И каждый раз, после очередного вдоха, Ева замирала на несколько секунд, словно анализировала запах.

– Ну что? Хостел?

– Нет. Дорогое мыло и шампунь. Это не хостел, мой милый. И ещё есть запах бабы. Я тебя грохну. Что за баба?

– Ева, ты чего? Сама знаешь, какие в хостеле простыни, но я утром душ принял. Гель у них хороший, согласен. Не настолько, как ты говоришь, но нормальный. Какую ты там бабу унюхала – не знаю. Там если и был какой запах, так развеялся месяца три назад.

Ева понюхала грудь в области сердца.

– Нет, меня не обманешь. Я чувствую бабу. Если я почувствую этот запах ещё раз – зарежу.

– С чего бы это?

– Теперь ты мой.

– Кто сказал?

– Я так решила. Ты мой наркотик. Даже лучше. Я после встречи с тобой сама не своя. Со мной никогда такого не было... Давно такого не было.

– Значит, было раньше разок? Расскажи! – Клим обрадовался возможности сменить тему.

– Нет. Потом. Когда-нибудь. Там в конце – дорога и казённый дом. Тебе та история не понравится. Может быть. Потом. А лучше – не проси никогда меня об этом.

И снова было впечатление, что Ева говорит с кем-то в своей голове.

– Ты себя нормально чувствуешь? – спросил Клим, и Ева долго и настороженно посмотрела на Клим.

– А что?

– Мне кажется, тебе надо отдохнуть. Поспать. Может быть, ты выпила лишнего.

– Я почти не пила, весь алкоголь – в вазе с искусственными цветами. Мне нужны были определённые предлагаемые обстоятельства. Если бы не было алкоголя и я себя так вела, то они вызвали бы дурку. А если они видели, сколько я «выпила» шампанского, то поверили, что я пьяная. Даже ты поверил.

– Всё равно ты выглядишь усталой.

– Сказал, что я плохо выгляжу? – в голосе появились стальные нотки.

– Нет, ты божественно красива. Усталая просто. Наверное, работа, перелёты.

– Говорю тебе – ночь не спала, так сильно тебя хотела. Даже мужу не дала. Для тебя берегла.

Клим хотел уточнить, что конкретно Ева берегла, но остерёгся. Просто погладил её по голове, провёл пальцами по лицу. По бровям, по носу, по губам, снова по бровям. Глаза Евы дрогнули и закрылись. Клим нежно, едва касаясь, провёл пальцами по бровям, по закрытым глазам, по губам, по скулам, по бровям. Ева спала. Или снова играла. Клим нужно научиться различать, когда она в роли. Клим прислушался. Ева спала глубоким и безмятежным сном.

Клим встал с кровати, обернулся. Ева спит. Клим подошел к окну, окна домов уже были освещены, скоро включатся уличные фонари. Клим закрыл шторы, вышел в гостиную, закрыл двери в спальню, оделся. Взял сумку Евы, сел на диван и стал изучать её содержимое. Посмотрел документы, сфотографировал несколько страниц на свой мобильный телефон. Достал мобильник Евы. Сам телефон был защищён паролем, но на экране уведомлений было

несколько сообщений из мессенджера. Клим сфотографировал все сообщения. Слоник звонил четыре раза и интересовался о планах на вечер, в силе ли они. Может, позвонить «Слонику»? Господи, но почему «Слоник». Дело в клыках или в хоботе. У того мужчины, которого Клим видел в аэропорту, бивни не торчали. Может, всё-таки хобот? Или хоботок. Слоник! Ладно, может, это какой-нибудь другой слоник.

Клим убедился, что изучил всё содержимое сумки. Протёр телефон, кошелек, те части сумки, на которых могли остаться отпечатки. Всё положил назад в сумку. Поставил её на место. Убедился, что сумка стоит так, как её поставила хозяйка. Осмотрелся в номере. Прислушался к ровному дыханию спящей Евы.

«Должна справиться с задачей, – подумал Клим. – По телосложению – то, что надо. Волосы длинные и тёмные. Согласится ли? Сделает, что нужно Климу? Волей или неволей? Отец говорил, что к каждому человеку можно подобрать ключик. Не надо мудрить. Деньги. Здоровье. Любовь. Страсть. Ненависть. Желание отомстить.

У меня есть несколько дней. Сегодня воскресенье, следующая суббота – самый подходящий день для свершения мести. С одной стороны, банкир успокоится, и его можно выманить в загородный дом к Натали. С другой – пройдёт ещё слишком мало времени, чтобы следователи смогли усложнить жизнь Клима поисками Стаса. Как только станет известно про брата-близнеца, Клима станут таскать на допросы. За ним будут следить, и убить банкира станет не просто. Сам банкир, когда узнает про брата-близнеца, насторожится и не поверит. Авторитеты точно не поверят и смогут узнать правду у Клима. У них есть масса методов для этого. Только следователям всё равно: был близнец или нет. Нет тела – нет дела».

Клим посмотрел на мирно спящую Еву: не устоит банкир перед ней. Клим осмотрелся, выключил свет и вышел из номера.

Внизу, проходя мимо стойки рецепции, Клим ловил на себе удивлённо-восхищённые взгляды. Не могли же они слышать крики Евы с девятого этажа? Или им рассказали? Неважно. Пора было домой, чтобы хоть немного передохнуть перед встречей с Софьей.

Из гостиницы «Чёрное небо» Клим вернулся в свою московскую квартиру около семи вечера. Принял душ, завёл будильник на телефоне и упал в кровать.

Три года назад, 12 марта 2014 года (Климу через два месяца должен был исполниться двадцать один год) в его жизни появился родной отец, которого Клим никогда не знал. Сколько бы Клим не спрашивал у матери, ответ был один: у тебя есть только мать. По словам матери, у Клима от отца – только отчество. Мать записала Клима на свою фамилию. Двадцать три года, до 2016 года, фамилия Клима была Бёлов. С ударением на первый слог. Клим не уставал поправлять всех, кто неправильно произносил его фамилию и в итоге добился: и в школе, и в институте он был Бёлов. После встречи с отцом, после долгих разговоров, Клим накануне своего 24-летия изменил фамилию и стал, как и отец, Гамаза. А Стас так и остался Бёлов.

Клим вспомнил, как однажды в квартире, где он жил один после смерти матери, позвонили в дверь. Клим открыл, как всегда, не поинтересовавшись «Кто там?». На пороге стоял старик. Несколько секунд Клим и старик смотрели друг на друга молча. Старик догадывался, что перед ним сын. А Климу? Клим почувствовал, что в старике есть что-то родное, знакомое. У Клима не было догадки, что это отец. У него было ощущение, что этого старика он знает и должен вспомнить.

– Вы к маме? – спросил Клим. Мать умерла несколько месяцев назад, и иногда звонили по телефону или приходили люди, которые знали её, но не знали, что её больше нет.

– К вам обоим, сынок, – сказал старик.

Клима не насторожило это «сынок»: старики часто обращаются так к людям моложе них.

– Мама умерла.

– Разрешешь зайти?

– Конечно, проходите. Как вас зовут? Мы знакомы? Я не могу вспомнить ваше имя, хотя впечатление, что мы встречались раньше.

Старик внимательно посмотрел в глаза Клима.

– Мы встречались, но не так, как ты думаешь. Нам предстоит долгий разговор, если только ты не прогонишь меня после первой фразы. Но сначала я хотел бы присесть и выпить стакан воды.

– Проходите на кухню.

Клим насторожился после слов старика, но не видел в нём физической угрозы.

Они прошли на кухню. Старик остановился в центре небольшой кухни, внимательно осмотрел мебель, посуду, прихватки, репродукцию картины на стене, календарь.

– Сяду здесь? – спросил старик, показывая на стул, на котором любила сидеть мать.

– Да, конечно. Чай?

– Да, чёрный. Можно покрепче.

– Положить два пакетика?

– Положи, пожалуйста, два.

Старик уселся на стул матери и достал из внутреннего кармана пиджака портмоне.

– Посмотри на эту фотографию.

Он протянул старую, сложенную пополам фотографию Климу.

– Не переворачивай пока, – попросил старик.

Клим сразу узнал эту фотографию. Её правая половина бережно хранилась у матери в альбоме. Теперь Клим впервые в жизни видел левую половину фотографии. На левой половине стоял мужчина. Высокий, красивый, темноволосый, с роскошной волнистой шевелюрой.

– Узнаёшь?

– Да, это – мама. Эта половина фотографии хранится у неё.

– А мужчину?

– Нет, его я не зна... Это вы?

– Да. Переверни фото, прочитай. Руку матери помнишь?

Да, это был её почерк, с сильным наклоном влево, с подчеркиванием прописных букв «т» и «ш», так сейчас не пишут, а Клим тоже, в память о матери, начал ставить эти чёрточки и, конечно, её прерывистая чёрточка над «ё», не две точки, а две чёрточки. Это, без сомнения, был её почерк. На обороте фотографии было рукой матери написано: «Быть может, память обо мне недолго будет длиться. И всё равно, прошу, пусть это фото сохранится. Анна Гамаза. Октябрь 1992».

– Гамаза?

– Это моя фамилия. Я паспорт потом покажу. Мы с твоей матерью не успели расписаться, и это фото, наверное, единственный документ, где она под моей фамилией. Скажи, между датой на фото и твоим днём рождения меньше девяти месяцев?

Клим начал загибать пальцы: октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, март, апрель... восемь.

– Значит, к моменту фотографии шёл первый месяц беременности.

– Мать никогда ничего не говорила про вас. Про тебя.

– Да, знаю. Она запретила появляться мне и общаться с тобой. Я – вор, сынок. И мать взяла с меня слово, что я не буду встречаться с тобой. Теперь её нет. Я бы, может, и не нарушал обещания, но узнал, сколько мне доктора отмерили, и решился на грех.

Чайник давно закипел, но Клим, оглушённый новостью, не слышал. Он всё ещё держал фотографию отца и матери в руках, и по щекам 20-летнего юноши, здорового и крепкого, как бетонная стена, текли слёзы. Отец встал. Выключил чайник. Поискал по шкафчикам бокалы и

заварку. Положил в один бокал два пакетика, во второй один, налил кипяток. Поставил бокалы на стол. Открыл холодильник. Нашёл там банку варенья из сливы, чему-то улыбнулся. Клим очнулся от своих мыслей.

– Что с тобой?

– Ты не вылечишь, никто не вылечит, так что об этом и смысла нет говорить, – ответил отец.

Тогда они проговорили целую ночь. А потом день и только к вечеру, оба с красными от слез глазами решили остановиться и поспать, дав обещание наверстать упущенное в общении друг с другом.

Отец лёг спать на кровати, в которой спала и умерла во сне мать. Разбирая кровать, готовясь ко сну, отец внезапно сказал: «Небогато вы жили, да, сынок?»

– Небогато.

– Я исправлю это. Хотя бы для тебя. Я расскажу, что надо будет сделать.

Клим уснул с каким-то непередаваемо светлым чувством: он словно корабль, который мотался по чужим морям. И вдруг, когда надежда давно оставила экипаж, корабль нашёл родной порт. Удивительно, Клим жил в этом доме несколько лет, после того как они с матерью переехали в новую квартиру от её завода. Он никогда этот дом не чувствовал родным. Они с матерью тут делали ремонт, клеили обои. Покупали и расставляли мебель. Но родным домом для Климата оставалось общежитие на рабочей окраине Саратова. Теперь, внезапно, с появлением отца, Клим почувствовал эту квартиру родным домом. Клим уснул с выражением блаженства на лице и с таким же выражением проснулся. Вдруг испугался: не привиделось ли ему всё? Но с кухни тянулся запах блинчиков, и кто-то там гремел посудой. Отец!

Ресторанчик в подвале дома № 4, в десяти минутах от отделения полиции был обречён на роль места встречи для длительных совещаний за рюмкой чая. За столом, рассчитанным на шесть человек, сидели четверо. Зубков, оперативник со стажем. Пятибратов и Кулешов, оперативники, которые уже поработали не менее трёх лет в следствии и имели кое-какой опыт. И стажёр Павел Толков.

– Ну, докладывайте, что дал обход. Пусто, да? Я по вам вижу, – Зубков обратился к Пятибратову.

– Никто ничего не знает, и никто ничего не видел. Мы опросили почти всех владельцев машин, которые стоят на той же парковке. Говорят, ну «школа», ну «Октавия», ну синяя. Может, видели, может, она. Может, другая. Один говорит: вроде, видел водителя. Но словесного портрета сделать не может. Мы отметили машины, чьих водителей пока не нашли, не опросили. Осталось семь из тридцати шести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.